

Человѣкъ въ ряду существъ природы какъ образъ Божій.

Человѣкъ есть мироносность, въ которомъ отражаются, преломляются и такъ или иначе обращиваются лучи, падающіе на него отъ нечтнаго окружавшаго его великаго космоса. И высказанное многими философами положеніе,—что человѣкъ есть самъ источникъ и критерій истины, вполнѣ справедливо въ томъ смыслѣ, что только подъ условіемъ правильнаго мышленія и пониманія человѣка возможно правильное мышленіе и пониманіе и всего остальнаго въ мірѣ. А потому, совершенно въ интересахъ философскаго знанія—сосредоточить вниманіе на существѣ человѣка, и притомъ на той собственно сторонѣ его, въ которой открывается специальная идея человѣка, рѣзко отличающая его отъ всѣхъ другихъ существъ міра и дающая ему особенное специальное между ними положеніе.

Какое же это положеніе?—По мѣрѣ того, какъ постуپаетъ впередъ своими изслѣдованіями и открытиями наука о мірѣ, все болѣе и болѣе устраняются неправильности, слаживаются неровности, представлявшіяся прежде въ немъ для неопытнаго взора, все яснѣе и сильнѣе выступаетъ убѣжденіе, что въ мірѣ не только нигдѣ нѣтъ прямыхъ противоположностей, но нѣтъ и скачковъ и перерывовъ,—что напротивъ опь представляется одну обширную и непрерывную стройно счлененную лѣнъ, постепенно восходящую отъ низшихъ формъ къ

иагромъ и видѣ не обрывающуся. Первое царство природы,—неорганическое царство представляетъ въ себѣ общій матеріаль и возможность бытія для слѣдующихъ двухъ высшихъ порядковъ природы. Начинаетъ выступать въ лицѣ нѣкоторыхъ ученыхъ убѣжденіе, что это царство вовсе не есть совершенно мертвое царство. «Если наше теперешній микроскопъ, говоритъ Бовль, при своемъ далего еще несовершенномъ состояніи, успѣль открыть намъ организмы, существованія которыхъ никогда и никто не подозрѣвалъ и которыхъ тысячи лѣтъ счищались частицами безжизненнаго вещества, если онъ открылъ жизнь въ ледникахъ Швейцаріи, въ полярныхъ льдахъ; то уже трудно и сказать, гдѣ нѣть или не можеть быть жизни. Почему, рано или поздно,—по испрѣмѣнно должно выступить то болѣе широкое воззрѣніе; что жизнь есть общее свойство матеріи, а вслѣдствіе этого должна исчезнуть или сдѣлаться совершенно незамѣтною грань между неорганическимъ и органическимъ-неодушевленнымъ, между этимъ послѣднимъ и одушевленнымъ царствомъ»¹⁾. Замѣтимъ мимоходомъ, что такое убѣжденіе въ томъ, что въ мірѣ ничего нѣть мертваго, согласно и съ учениемъ слова Божія. Ибо въ немъ говорится, что въ самомъ началѣ временъ—въ тотъ самый моментъ, когда, по слову творческому, явилась бездна или необразованная еще масса, изъ которой послѣ (имѣѧ образоваться) превращенный міръ,—въ этотъ самый моментъ Духъ Божій—творческая несоживляющая Сила—носился надъ бездною и вливалъ въ нее живительную теплоту; слѣдовательно въ этотъ самый моментъ со всеми матеріи міра была уже жизнь, заключалась потенція всѣхъ будущихъ живыхъ организмовъ. Такимъ образомъ неорганическое царство природы не только представляеть въ рукахъ ученыхъ, но и зачатки и та потенція царства органического.

¹⁾ Историко-литературн. Д., стр. 141.

ническаго, и прежде всего растительнаго, и, если можно такъ выражаться, пророчествуетъ о немъ, предрекасть его. Между растительнымъ и животнымъ царствомъ связь также самая тѣсная, переходъ отъ одного къ другому почти незамѣтенъ: есть растенія, подобно животнымъ неприкрепленныя къ землѣ и какъ-бы произвольно движущіяся; есть и животныя такія, которая хотя имѣютъ иѣкоторыя, только животнымъ свойственные органы, но сице какъ и растенія прикреплены къ землѣ, такъ, что въ царствѣ растительномъ по праву можно видѣть потенцію царства животнаго, пророчество о немъ. Въ конечномъ предѣлѣ царства животныхъ природа представляетъ существо, способное и къ горизонтальной и къ прямой походкѣ, имѣющее руки, только не двѣ, а цѣлыхъ четыре, надѣленное сравнительно высокою въ животномъ мірѣ психическою жизнью; въ этомъ существѣ видится иѣчто не похожее на животное, иѣчто высшее его; во всакомъ случаѣ въ немъ природа предрекаетъ высшее всѣхъ земныхъ существъ—человѣка.

Но только ли предрекаетъ, и не болѣе? Этимъ существомъ природы, напоминающимъ человѣка, не заканчивается ли рядъ ея тварей? Человѣкъ,—есть ли и онъ произведеніе однихъ и тѣхъ же отъ начала Творцемъ природѣ данныхъ силъ и законовъ, или же онъ есть существо въ природѣ не только высшее, но и премірное? И, если природа въ послѣднемъ звенѣ цѣпи своихъ тварей довольно ясно предрекла человѣка, то человѣкъ въ свою очередь предрекаетъ ли собою какое либо начало или существо еще высшее и себя и всего чувственнаго міра, или же онъ составляетъ заключительное только звено въ чувственномъ мірѣ, и лишь по отношенію къ нему есть микрокосмъ,—вышшій средоточный членъ всего чувственнаго?—Исторія философіи представляетъ намъ на эти вопросы два рѣшительно противоположные другъ другу отвѣта:

тогда какъ идеализмъ шелъ въ человѣкъ только самоположеніе чистаго духа, которому матеріальный міръ предстоалъ или быть либо совершенно противоположное, чуждое и враждебное, или какъ откровеніе того же духа, — матеріализмъ видѣлъ въ человѣкѣ не болѣе, нѣкъ простой продуктъ природы, или — какъ продуктъ общаго всему миру огново-матеріала — матеріи и силы. Но эти два противоположныхъ націравленія въ философії постепенно смыкали и вытѣсняли одно другое, что служить принципомъ односторонности обоихъ и того, что истина должна сущестовать въ срединѣ. Идеализмъ привлекателенъ по логической силѣ и глубинѣ раскрывающагося въ немъ мышленія. Но духъ иной не есть чистый духъ; и потому, когда при ближайшемъ вниманіи находитъ, что философія, построенная его чистымъ мышленіемъ, далеко не совпадаетъ съ областю факта и жизни, — онъ не можетъ спести этого несогласія: тогда онъ постепенно а иногда и сразу спускается изъ области идеи въ область матеріальной фактичности — на землю, погружается все далѣе и далѣе въ глубь ея, погружается большою частію до забвенія даже о своей собственной духовной идеальной натурѣ, начиная смотрѣть на все уже одними только физическими глазами, и, кромѣ того, что ими видѣть, больше уже ничего не видѣть, или видѣть не хочетъ; — это матеріализмъ. Впрочемъ,ющ-таки царство матеріализма было сравнительно уже и менѣе продолжительно, чѣмъ царство идеализма, не смотря на то, что первый имѣетъ на своей сторонѣ выгоду во крайней мѣрѣ винувшейся осознательной убѣдительности, наглядности, простоты и общепонятности, тогда какъ послѣдній именно представляетъ ту невыгоду, что для своего пониманія требуетъ сильной, тонкой, отвлеченої, діалектически развитой мысли. Причину сравнительной узости господства матеріализма должно полагать прежде всего въ его принципѣ слабости и совершенной темнотѣ въ метафизическомъ отношеніи; ибо, еслибы въ самомъ дѣлѣ

ми принуждены себя занять чибудь способомъ отвлечься отъ тѣхъ представлений и идей о. мірѣ, какія мы имѣемъ о немъ, или о цѣломъ превратно-оригинализованомъ, разумно и цѣлесообразно сочиненномъ, и потомъ перепестись въ ту область, гдѣ ничего болѣе нѣть, бромъ матеріи ко всему безучастной и тѣй же слабой силы;—то мы сразу очутились бы въ какомъ-то баснословномъ хаосѣ, гдѣ нѣть вовсе никакихъ причинъ и видимокъ на правильныя формациамъ, гдѣ все взаимно-равнодушно, гдѣ все во всемъ, гдѣ все имѣеть равное право и значение, или лучше—гдѣ ничто не имѣеть никакого права, и гдѣ следовательно, сколько бы ни напрягали умъ пытъ, мы никакъ не палились бы, не въ состояніи были бы хоть что чибудь понять; самъ духъ нашъ сталъ бы здѣсь самъ для себя никогда неразрѣшимой загадкой, никогда не обрѣль и не узналь бы себя. Поэтому духъ нашъ, какъ живая и разумная сила, чѣмъ болѣе хочетъ удалиться отъ области разума, идей и погрузиться въ глубь темной необходимости и матеріи, чѣмъ болѣе онъ чувствуетъ, что онъ здѣсь совершенно одинокъ, что тутъ ему и холодно и сыро,—чѣмъ болѣе, и, быть можетъ, помимо даже своего яснаго вѣданія, а только по требованію своей природы, онъ старается выйти отсюда на поверхность—къ себѣ разума и идеи, къ родному царству духа. Царство идеализма было значительно шире потому первѣе всего, что онъ гораздо болѣе сроденъ нашему духу, такъ какъ здѣсь духъ нашъ, хотя живетъ одностороннею жизнью, но по крайней мѣрѣ не уходитъ отъ себя,—не отрицаеть самъ себя; затѣмъ, должно полагать, и потому еще, что идеализмъ гораздо ближе къ истинѣ. Нельзя не замѣтить, что большая часть идеалистическихъ теорій о человѣкѣ по крайней мѣрѣ по духу своему очень близки къ ученію о немъ слова Божія; замѣчательный также фактъ, что, когда духъ человѣческій успѣваетъ вырваться изъ подъ гнета матеріализма, онъ выносить изъ области бытійнаго

миро, на который погруженъ быль, новыя знанія, которыхъ даютъ ему возможность строить новое, гораздо уже болѣе прочное, зданіе идеальной философіи,—философіи притомъ еще болѣе приближающейся къ истинѣ откровенного слова. Можно надѣяться, что и современное мышеніе, совершенно погрузившееся въ матерію, скоро измѣнитъ свой путь, и что результаты, вновь добытые имъ на этомъ пути, заставятъ видѣть въ человѣкѣ существо, далеко превышающее то, что можетъ быть простымъ продуктомъ природы или матеріи и силы, и послужить только къ новому подкрѣплѣнію ученія о человѣкѣ, заключающагося въ словѣ Божіемъ.

Но тѣмъ временемъ, въ цѣляхъ возможно правильнаго разрѣшенія занимающаго насъ вопроса, философичнѣе всего будетъ разстаться съ колебательными человѣческими теоріями и обратиться прямо къ вѣчному слову ума Божественнаго, въ которомъ одномъ заключается вѣчная, незыблемая истина и путеводная нить ко всякому правильному мышленію, и въ согласіи съ которымъ должна заключаться санкція всякаго философствованія... По учению слова Божія, земля сплошь данныхъ еи законовъ и по величіямъ слова творческаго изведеніи на свѣтъ животныхъ *по роду ихъ*, этимъ и покончила свое дѣло; твореніе человѣка далеко превышало ея силы, и она поэтому не получила и творческаго величія извести изъ себя человѣка. О глиниинъ человѣка и о характерѣ его природы самъ-Богъ предварительно держитъ совсѣмъ въ тайнѣ своего троичнаго единства *и рече Богъ: сотворимъ человѣка....* Начинается твореніе этого человѣка, хотя созидается изъ той же земли, но и въ его созидааніи является особенное содѣйствіе божественной силы *и сана Богъ человѣка переть влсмо отъ земли;* а это уже явно указываетъ на то, что это дѣло предназначается для сущності основанія, подрошнаго которому не было еще ни немъ *и таину та таину глахати жизни и бысть человѣка*.

елька въ душу живу. Итакъ, собственно душа человѣка вовсе уже не оть міра, вовсе не дана самою природою, а есть актъ непосредственнаго творчества Духа Божія; она поэому,—существо премірное и самое близкое къ Богу. Еще яснѣе отмѣчасть слово Божіе сущность человѣка, говоря, что онъ со-зданъ по образу Божію, чего не говорится ни о какой другой твари Божіей—ни о солнцѣ, ни о лунѣ, ни о какомъ живомъ земномъ существѣ, кроме одного человѣка, и *сотори Богъ человѣка, по образу Божію сотори его.* Такимъ образомъ если природа предрѣгла человѣка, то въ человѣкѣ самъ Богъ творитъ ближайшаго пророка о Себѣ, полагая въ существѣ его непосредственно свою силу и идею или свой божественный образъ. Въ этой идеѣ, въ этомъ божественномъ образѣ, должно полагать, и заключается вся сущность человѣческой природы, такъ, что еслибы намъ удалось уловить и уяснить себѣ тѣ черты человѣческаго существа, которыя дѣйствительно обли чаются въ человѣкѣ существо премірное, которыми онъ рѣзко отличается оть всего на землѣ сущаго и указываетъ на существо безконечное,—предрекаетъ Его,—короче, еслибы удалось точнѣе уяснить себѣ черты образа Божія въ человѣкѣ,—то съ тѣмъ вмѣстѣ выяснилась бы предъ нами и спеціальная идея человѣка среди всѣхъ другихъ существъ природы, и его собственная сущность.

Но какимъ способомъ и путемъ мы достигнемъ этого? Какимъ способомъ мы можемъ убѣдиться, что въ извѣстныхъ чертахъ человѣческаго существа отражаются черты божественныя, что человѣкъ вообще есть образъ Божій? Во всѣхъ другихъ тваряхъ міра также извѣстнымъ образомъ отражаются совершенства ихъ Творца; какъ же мы увидимъ себя, что въ нихъ нѣть образа Божій, а только одинъ человѣкъ имѣеть его? Представимъ себѣ, что мы находимся въ огромной портретной или картинной галерѣѣ кисти знаменитѣйшаго, гені-

изысканного художника, известного намъ лично ли, или же просто по одному знакомству съ произведеніями его генія; фантазіи имѣть спорогами: вся картина галлерея, или какая либо родовая группа картинъ представляеть ли собою образъ писавшаго ее художника, или иѣтъ?, и если иѣтъ, то почему? Но всей яркости мы отибчали бы такъ: во всѣхъ этихъ картинахъ отражается геній художника, его совершенство, его мысли задушевныя; но ни одна картина, ни всѣ имѣются не суть его образъ, иначе онъ снались бы со стѣнъ, и, воодушевленная геніемъ своего творца, сами стали бы писать такія же картины и въ нихъ отпечатлѣвать свои думы, идеи, выражать свои идеалы. Но когда мы видимъ тутъ же въ мастерской молодаго художника,— ученика или сына того великаго художника, и находимъ, что его рисунокъ очень близокъ къ рисунку послѣдняго, мы говоримъ: этотъ молодой артистъ—живой образъ своего учителя или отца, потому что иѣ немъ во-первыхъ мы видимъ личность, которой не составить и вся портретная галеря, и вслѣдствіе этого во-вторыхъ видимъ въ немъ личность, имѣющу возможноть усовершать свой талантъ до возможнаго уподобленія своему учителю, какъ первообразу своего генія и искусства, тогда какъ на картинахъ мысли великаго художника такъ сказать уже остыли, крѣпко замкнуты разными оттѣнками, и ни далѣе, ни назадъ пойти, ни расшириться, ни съузиться не могутъ. Точно такое же отношеніе мы должны найти между человѣкомъ, какъ личнымъ обрѣкомъ-Божіамъ, и иѣми другими тварями міра, какъ отражавшими только въ себѣ совершенства своего Творца. Материалистъ учитъ, что иѣ природѣ иѣтъ ии для чего и ии для кого никакихъ исключеній, ии ней все взбѣщено и измѣreno, ии ней нездѣ во всемъ одинъ и чистъ матерія и сила и больше ничего, ничего свободнаго видѣть иѣть и быть не можетъ, такъ что различия существа природы со включеніемъ сюда и чело-

иная различаются между собою только количественно—по различиямъ сочетанийъ въ нихъ матеріи и силы. Итакъ, если человѣкъ действительно отхода не исключается, если онъ не что иное, какъ болѣе удачное только сочетаніе той же матеріи и силы; то мы должны надѣяться всю область человѣческой жизнедѣятельности свести къ извѣстному точному итогу, найти ее въ извѣстныхъ точно вымѣренныхъ рамкахъ; этотъ итогъ и эти рамы, конечно, должны быть выше итога и рамъ явленій животной цицр. жизни (что признаетъ и материализмъ), но все же они должны быть ограничены, измѣримы и исчислимы; при сравненіи человѣка съ другими существами природы долженъ оказаться только количественный остатокъ, можетъ быть и довольно значительный, но все же точно исчислимый, и при томъ всегда одинаковый, никогда ни упадающій, ни возрастающій, по всегда заключающейся въ тѣхъ предѣлахъ, какія разъ навсегда опредѣлила природа, все строящая по числу и мѣрѣ, ничего свободного, нарушающаго этотъ счетъ, не допускающая. Если же одинъ человѣкъ на землѣ есть существо премірное есть личный образъ Существа Высочайшаго—абсолютнаго, то онъ долженъ стоять выше всемѣрящей природы: при сравненіи его съ другими существами міра, долженъ не только оказаться остатокъ, но и остатокъ не сводимый ни къ какимъ счетамъ и рамамъ, удобнымъ для нашего отчетливаго попиманія. И если окажется такъ, то уже это одно будетъ свидѣтельствовать не о количественной, по и о той специфической разницѣ, по которой человѣкъ не есть, какъ другія существа природы, существо сю точно вымѣренное, но существо свободное, не втянутое въ область необходимой, пенарупаемой мѣры. Но кромѣ этого должно оказаться и различіе качественное несопозиціонное; жизнь человѣческая должна указывать собою вездѣ на жизнь абсолютную,—ясно говорить объ абсолютномъ божественномъ разумѣ, объ абсолютной силѣ и правдѣ,

о привести чистъ и блаженстий; человѣкъ долженъ быть во всей речи жизни лицомъ, линиямъ, леснымъ пророкомъ безконечнаго, всечеловеческаго существа Божественнаго, тогда какъ труда существа міра будуть отражать въ себѣ совершенства Творца, то есть бесконечно, бесознательно, необходибо, и притомъ предадутъ ранией, точно имъ обозначенной мѣрѣ.

Если бы не стоять бы за неизвѣстность, еслибы мы занялись вопросомъ: «имѣютъ ли умъ, и какой камень царя или растеніе, каковы ихъ знанія и т. п. За то мы далеки и отъ того мысли Декарта, что міръ животный есть не болѣе, какъ міръ чистыхъ автоматовъ и машинъ; и, въ интересахъ решенія нашего вопроса, обратимъ вниманіе на умъ и знанія этого міра. Если мѣра знаній о мірѣ между прочимъ условливается широтою области, доступной въ немъ для наблюденія или количествомъ точекъ соприкосновенія познающаго съ познаваемымъ; то можно бы полагать, что міръ животныхъ долженъ имѣть гораздо болѣе широкимъ знаніемъ природы, чѣмъ человѣкъ. Потому что царство животныхъ несравненно больше и шире царства человѣческаго и по отношенію къ природѣ чуть ли не всездѣрасуще, такъ что однимъ изъ его родовъ доступны помимо высокіе слои воздуха, другимъ самые низкіе слои земли, третимъ непроходимые лѣса, четвертымъ обширныя равнины и непроходимыя степи, пятимъ вершины самыхъ высокихъ горъ и гасть, шестымъ—предослѣдимъ глубины морей и рѣкъ и проч. И, еслибы своими знаніями взаимно подѣлились—орелъ съ ястребомъ, жирафъ съ черепахой, слонъ съ червякомъ и т. д. съ комаромъ, волкъ съ ягненкомъ, однимъ словомъ всякий по рожкимъ; то, должно полагать, вышла бы всеобъемлющая именемъ имена о мірѣ. Но животные, сказано въ словѣ Божиемъ, единимъ по роду ихъ; и сдавали когда ишукѣ удастся открыть хотя малѣйшіе привидки единаго духовнаго обѣфа между различными родами животныхъ. Вследствіе этого поле наблю-

денія, а съ нимъ и широта знанія для животнаго міра вдругъ безкощечно съуживается; и, такъ какъ левъ и слонъ напр. сами собой никогда не увидятъ Сибири и Лапландіи и не узнаютъ того, что знаеть бѣлый медвѣдь, орелъ никогда не спустится па дно моря, рыба не узнаеть того, что въ воздухѣ и на землѣ, однимъ словомъ всякой родъ останется при знанії своей, ему только доступной области;—то уже это одно, съ одной стороны, указываетъ па разрозненность, частичность и ограниченность знаній животнаго міра, съ другой—говорить о томъ, что области знанія не произвольно открыты или открываются животнымъ міромъ, но что природа сразу точно отмѣрила имъ ихъ, и па краяхъ ихъ провела глубокія межи, черезъ которыя не переходить, въ интересахъ знанія онъ и не смѣеть и не можетъ. Но природа не только озабочилась сама отмежевывать всякому реду животныхъ свою отдельную область знанія, но сама же и дала ему это знаніе. Инстинктъ, которымъ обыкновенно отличаютъ животное отъ человѣка, есть понятіе для нашего разума не вполнѣ понятное и ясное, но далеко не пустое, какъ думаютъ некоторые;—инстинктъ животнаго есть именно данное ему самой природой готовое даровое знаніе, потому что оно не пріобрѣтается путемъ опыта и наблюденія, но большую частію предшествуетъ всякому опыту и присуще животному тотчасъ почти послѣ его рожденія, такъ что животное прежде всякаго опыта, благодаря инстинкту, достигаетъ своихъ цѣлей и притомъ всегда безъ колебаній, сомнѣй и ошибокъ, съ непогрѣшимою вѣрностію. Намъ кажется, вѣ будеть преувеличенія, если скажемъ, что животное и всю свою жизнь живетъ только знаніемъ, удѣленнымъ ему природой, а не своимъ собственнымъ, нажитымъ путемъ наблюденія или изслѣдованія. Это положеніе, кажется, вполнѣ достаточно подтверждается тѣмъ, во-первыхъ, что всякий животный индивидуумъ самъ собою почти что не приращаетъ вовсе суммы знаній,

ориау удивленыхъ ему природою, такъ что онъ если не тотчить, то много—спустя ибесколько мѣсяцевъ послѣ появленія Реноа ии срѣтъ становится въ дѣлѣ своего знанія почти тѣмъ то, чимъ остается ни всю жизнь; тѣмъ во-вторыхъ, что цѣлому роту индивидуумъ удѣляти равнѣ сумма и равное достоинство винай, такъ что ни одинъ изъ нихъ ни уменьшить, ни увеличить ея не можетъ, хотя бы представлялись къ тому случаи и возможность, и наконецъ въ З-хъ тѣмъ, что и цѣлый юнѣкъ въ совокупности не можетъ увеличить общими усилиями удивленного ему разъ павсегда количества знаній, да и не употреблять для этого общихъ усилий. Есть факты кажущагося уничтоженія родовой нормы познаній индивидуумами рода: можно встрѣтить отлично выдрессированныхъ—собакъ, лошадей, слоновъ, медведей, разныхъ птицъ, являющихъ чудеса искусства, кено повидимому говорящихъ о своемъ близкомъ къ человѣческому уму. Такія животныя дѣйствительно, быть можетъ, пробуждаютъ удивленіе къ уму своему въ недальновидной толпѣ, но философъ видѣть здѣсь только умъ человѣка, но не животнаго,—на основаніи тѣхъ двухъ фактovъ, что самому животному никогда и въ голову не приходитъ мысль объ усовершенствованіи и увеличеніи своего запапія и искусства, и затѣмъ,—что эти ученыи животные аристократы-выскочки, возвращаясь въ свое общество, остаются здѣсь совершенно безъ всякаго благодѣтельнаго на него вліянія, не даютъ вовсе никакого толчка къ новому строю жизни, къ прогрессу общества; они лижъ не передаютъ никому изъ своихъ собратовъ ни юты изъ своихъ винай, по породаютъ, не по горделивому конечно винай, и потому, что и сами они не знаютъ вовсе смысла, дифтониговъ и цѣли своихъ занятій; мало того, сами они, безъ принужденія и поглощеннаго подсюри человѣка, не только не продолжаютъ усовершенствоваться въ занятіяхъ и искусствѣ, но никогда больше не повторяютъ и того, что знали, и скоро совер-

шенно все забываютъ. Примѣры животныхъ высокоческъ-ученыхъ ничѣмъ почти не ослабляютъ понятія объ умѣ животныхъ, какъ умѣ не самодѣятельномъ, а инстинктивномъ, даромъ, удѣлѣнномъ сразу отъ природы. Все, что можно заключить изъ этихъ фактovъ,—это то, что инстинкты животныхъ имѣютъ въ извѣстной степени силу расширяться и приспособляться къ вицѣніямъ случаевъ; но ни въ какомъ разѣ они не уполномочиваютъ насъ думать, что тутъ выступаетъ самодѣятельный умъ животнаго, и что натура животнаго совершаєтъ въ цѣломъ, такъ какъ качества кажущагося знанія, пріобрѣтеныя животными, вовсе не вступаютъ въ свободныя комбинаціи съ природными инстинктами, а только подлагаются подъ нихъ; и если животное сохраняетъ эти качества, то это вовсе не вслѣдствіе собственнаго знанія, а вслѣдствіе постояннаго бдѣнія надъ нимъ сообицивающаго ихъ ему существа разумнаго. Наконецъ знанія животныхъ по самому внутреннему достоинству своему суть зигалія не свободныя въ томъ смыслѣ, что предметъ и цѣль ихъ вовсе не само знаніе для себя—не истина, а правильное удовлетвореніе жизненныхъ тѣлесныхъ потребностей, вообще способы тѣлеснаго самоподдержанія и самосохраненія. Когда заяцъ, вслѣдствіе какого нибудь шороха, навострить уши, прислушивается,—онъ показываетъ всѣ признаки усиленнаго вниманія и наблюденія, но едвали онъ дѣлаетъ это съ цѣлію познать предметъ, произведшій шорохъ, ибо какъ скоро шорохъ близокъ, наблюдатель убѣгаеть безъ оглядки. Когда подъ носомъ животнаго падаетъ съ дерева яблоко, оно вовсе не задается вопросомъ о законахъ тяготѣнія, но прямо хватаетъ яблоко и пожираетъ. Орелъ, прямо смотрящій на солнце, едва ли разсуждаетъ о законахъ теплоты и свѣта; нѣть, въ лучахъ солнца онъ зажигаетъ свои глаза только, чтобы лучше высмотрѣть себѣ добычу. Нѣкоторыя животные предпринимаютъ далекія путешествія въ чужіе края,

но и тутъ дѣло упирается далеко не свободнымъ стремлениемъ къ линію, и просто необходимостю ихъ организма: они вынуждены есть родина, когда начинаетъ гнать ихъ отсюда когодь и недостатокъ пищи, и потомъ обратно вылетаютъ оттуда, когда дома щещаешь тешиться; на штуки они не ищутъ достопримѣчательностей съ цѣллю зпанія, а ищутъ чисто корма, почему, конечно, и домой возвращаются съ тѣмъ же природнымъ только запасомъ смысла, съ которымъ и изъ дому вылетѣли, ничего сами къ нему не прибавивъ.—Такимъ образомъ объ умѣ животныхъ дѣйствительно можно сказать, что онъ умѣ вовсе не свободный, саморазвивающійся, а необходимый, инстинктивный, и потому заключенный природою въ конкретной, постоянно одной и тойже, рамкѣ, изъ которой онъ никогда выйти не можетъ, потому что, собственно говоря, въ природѣ ничего свободнаго, стоящаго вънѣ ея мѣры и числа, нѣтъ, такъ что если животный міръ и владѣеть какими либо иниціативами, то они именно между нимъ разсчитаны и развѣшены природой, и потому какъ не были никогда меныше, таѣ никакихъ не будутъ и большихъ. Что касается умственныхъ способностей животныхъ, то большинство наблюдавшихъ ихъ психическую дѣятельность признаютъ за ними память, какъ способность сохранять впечатлѣнія, но не признаютъ способности воспоминаній, состоящей не въ томъ только, чтобы давнія впечатлѣнія могли снова возникать, будучи помимо воли вызываемы понами сродными имъ впечатлѣніями, но въ томъ, чтобы воспроизвести весь рядъ давнихъ впечатлѣній сознательно и преднѣрочно; затѣмъ не признаютъ также способности составленія общихъ понятій и мысленія по нимъ. «Что касается способности размышленія у животныхъ, говоритъ Дюгальдъ Стюартъ, то если подъ размышлѣніемъ разумѣть способность употребленія механическихъ средствъ, чтобы достигнуть известной цѣли, оные разумные люди представляютъ фено-

мена, которые могут быть изъяснены только изъ этой способности. Но если подъ словомъ размыщеніе разумѣть способность пользоваться отправленими мысли посредствомъ искусственныхъ видковъ, обозначающихъ цѣльные роды предметовъ или понятій, чтобы приходить потомъ къ общимъ научнымъ заключеніямъ, то мы никакихъ признаковъ этой способности у животныхъ не видимъ¹⁾). Большинство философовъ согласны также въ томъ, что если животныя и владѣютъ какимъ запасомъ, то это никакое чисто-эмпирическое, всегда нуждающееся въ присутствіи чувственныхъ впечатлѣній, вмѣстѣ съ которыми оно и улетаетъ, и потому не могущее обратиться въ знаніе твердое, точное, въ которомъ бы эмпирическія воззрѣнія были преобразованы въ устойчивыя независимыя понятія.

Гераклитъ поражаетъ бѣдъ ложнісмъ общей всей природѣ безостановочной текучести, изменчивости; предъ его взоромъ ничего неѣть въ ней твердаго, постояннаго: все течеть, движется, все измѣняется въ каждое мгновеніе, ничто къ себѣ не возвращается; всякая вещь въ природѣ есть вмѣстѣ и стара и нова, будучи всякой моментъ уносима универсальною силою въ потокъ безпрерывныхъ ея вариацій; природа, по взгляду Гераклита,—это быстрая рѣка, въ которую входя съ тѣмъ имѣешь и не входишь, потому что вода, въ которой мы стоимъ постоянно течеть и постоянно смѣняется приливомъ новой волны. Дѣйствительно, въ мірѣ безпрерывное теченіе, предъ которымъ не можетъ устоять ничто природное; и умъ животныхъ, какъ умъ инстинктивный-природный, также подчиняется всеувлекающей силѣ этого тока, самъ входить въ него, льется вмѣстѣ съ нимъ безъ оглядки, истощается въ немъ, не имѣя силы ни самъ задержаться въ себѣ, ни задержать этотъ потокъ своею мыслю въ ея твердыхъ, нетекучихъ опредѣленіяхъ и по-

¹⁾ Elements de la philosophie de l'esprit humain t. III, p. 294.

можеши. Это тоже, что сказать, — умъ животный, инстинктивный есть умъ чисто импирической. Но Гераклитъ жилъ и мыслить не то еще время, когда человѣческая мысль всесѣло была приводима въ вѣтниному міру, и еще не обращалась на себя, во время почитанія владычества матуръ-философіи, и онъ еще не видѣть той области, где по все течеть безъ возврата. Въ этойской философіи духу человѣческому какъ-бы внезапно открылась потекущая, неизмѣнная идеальная область, — открылось чистое, безоблачное, круглос, въ себѣ замкнутое, небо духа. И тутъ же, тутъ же, здесь все свое удивленіе вниманіе, и уже не могла спуститься на землю, чтобы и здѣсь увидѣть въ чёмъ нынѣ разумъ, неизмѣнную идею; въ пѣмомъ созерцаніи ранишго, супцио, неизмѣнаго человѣческій духъ забылъ даже и самому себѣ, и не рѣшался еще опредѣлить свои права и место въ области идеального, неизмѣнаго. Въ софистикѣ человѣческий духъ впервые предъявляетъ свои права на мѣсто въ области истины, идеи; но поступъ его здѣсь еще очень не-правиль, и онъ не вижитъ еще въ своихъ положеніяхъ ничего спорядко, обычнаго, они какъ будто ириаютъ еще предъ ними въ раздражитель кругѣ ономатопеи фантазіи. Въ лицѣ Сократа и особенно Платона духъ человѣческій является самъ себѣ, какъ разуміи, самообладающая сила, и признаетъ объективность своихъ собственныхъ положеній. И Платонъ, какъ Гераклитъ, во всемъ міре измѣнчивость, по силѣ которой ничего ясноющеего не есть иѣчто въ себѣ и для себя, и что не обращается къ себѣ за отчскомъ, и не думаетъ оставлять единую ясную яснѣмость, измѣнчивость, текучесть; но онъ тѣмъ рѣзко и отличаетъ духъ человѣческій отъ всего земного, что онъ не уходитъ изъ обидѣ потока, не уплываетъ въ потокѣ потока, не думаетъ ни о чёмъ не гадая, но напротивъ, весь потокъ его, самъ задерживается въ себѣ, и задерживаетъ вѣтниний потокъ движущаго и измѣнчиваго въ своихъ

*

твърдыхъ истекучихъ положеніяхъ—въ неизмѣнныхъ идеяхъ, въ которыхъ сущность или смыслъ вещей замкнуты въ себѣ и уже не могутъ уплыть. Платонъ глубоко былъ убѣжденъ, что умъ человѣческий не имѣеть ничего себѣ подобнаго въ мірѣ явлений, что онъ есть умъ не природою данный и точно ею вымѣренный, текущій, эмпирическій—какъ животный—инстинктивный, по уму свободный, самовладѣющій,—образъ, или, какъ онъ выражался, искра ума божественнаго. Такъ ли?

Человѣкъ не рождается, подобно многимъ животнымъ, совершиенно готовымъ къ жизни, не является также сразу не только съ готовымъ природнымъ запасомъ, но и готовымъ къ знанію. Бешено касательно первого крика и плача дитяти съ физиологической точки зреїння говоритьъ, что онъ есть между прочимъ слѣдствіе непріятнаго ощущенія глазами дитяти не-привычнаго еще для него, внезапно подѣйствовавшаго свѣта. Но съ философской точки зреїлія,—мы скажемъ,—совершенно напротивъ: духъ, поболику есть духъ разумный,—самъ есть свѣтъ, или, по крайней мѣрѣ въ ограниченномъ своемъ видѣ ищетъ, жаждетъ свѣта;—а потому не отъ свѣта ему больно, а скорѣй отъ недостатка его; первый крикъ человѣческаго дитяти,—это крикъ отъ чувства темноты, отъ темнаго сознанія слабости средстійъ своихъ къ владѣнію свѣтомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ слабы и повидимому ничтожны шансы на свѣтъ, на знаніе, которыми владѣсть духъ пытъ при первомъ своемъ явлениі въ мірѣ! Посмотрите на этого новожителя земли: глаза его дѣйствительно не могутъ сносить сколько нибудь сильнаго свѣта, они даже не могутъ держаться еще прямо,—откроются, не твердо посмотрятъ и слова закрываются,—и спить, долго еще спить это самое высшее изъ всѣхъ вѣнчанихъ чувствъ,—долго остается еще недѣятельнымъ этотъ самый незамѣнныи источникъ знанія; младенецъ повить и окутанъ, и долго еще и всѣ остальные чувства также остаются

окиричи для подавших заслуги твои. Чемъ снинъ такъ долго и беззаборгт? Уже ли и тебе все дано въ природномъ инстинктѣ, тиже что и умножить не о чёмъ,—все само собой привнесетъ? Или и тебе, быть великому роду животныхъ, по счету природы известя, чю знатъ, чего не знать? Къ несчастию, почему то природа обишила тебя почтамъ болезнью инстинктомъ;— предупреди же душу свою бѣзу, что иль тебя будеть.... Но, если ти душа разумная, тебѣ нужно много, безконечно много свѣта, знаній, и тебе по окунуть въ твоемъ стремленіи къ нему нынешняе способность твоихъ чувствъ; ты снинъ и во снѣ собираешься познать снинъ,—кроинутъ и растутъ опѣ, крѣпнетъ и растетъ твоё тѣло, и ты быстрыми безостановочными шагами поднаденъ въ путь свѣта и знанія,—въ путь безконечный.. И кто сгдядитъ на душевной жизнью дитяти, тотъ знаетъ, какъ ишу швимо-быстро,—этотъ въ началѣ темною мглою окутанный душа, самъ светлѣеть и проясняется, и съ тѣмъ вмѣстѣ все возвращутъ его является ему свѣтомъ, разумомъ. Но этимъ онъ обижаетъ по природному, вѣрному инстинкту; нѣтъ, Бенеке говорить, и не бѣнъ основанія, что человѣку первоначально нужно учиться даже принципиально владѣть своими чувствами¹⁾; непривычно большинство человіцою онъ обязанъ себѣ самому, своей самодѣятельности, постоянно направленной къ свѣту и привлекаемой только благодѣющею рукою воспитателя. Не такъ долго впрочемъ спитъ душа дитяти, какъ обыкновенно умножить; не болѣе 3-хъ, 4-хъ мѣсяцевъ проходить, и мы видимъ, что въ теченіи ихъ дитя не совсѣмъ безучастно было къ подавшимъ на его душу висчатлѣніямъ; оно отличаетъ свою

¹⁾ Въ доказательство этого своего мнѣнія, Бенеке указываетъ на примѣръ такого слѣпца, который, благодаря искусной операциі, получилъ зрѣніе; но долго еще не могъ пользоваться имъ, долго еще опѣ должны были узнавать формы предметовъ не зрѣніемъ, а ощупываніемъ. Такъ нужно учить, по его словамъ, и другія чувства.

мати, илю, стоящую на столѣ свѣчу отъ другихъ предметовъ. И, когда вы смотрите на спящее дитя и видите на устахъ его свѣтлую улыбку, почему вы усомнитесь сказать, что предъ душевнымъ взоромъ дитяти въ это время носятся какіе-то образы, которыми оно любуется, которымъ весело улыбается? Быть можетъ, это первая радость духа, чувствуемая имъ послѣ того, какъ, приглядѣвшись нѣсколько къ миру и къ себѣ, онъ начинаетъ чувствовать, что самъ онъ не такъ слабъ для свѣта, какъ сразу полагалъ, что мало по малу онъ можетъ стать, чѣмъ долженъ быть сообразно своей природѣ—разумомъ и свѣтомъ. Больше и больше душа дитяти ознакомливается съ виѣшимъ міромъ, впечатлѣнія повторяются сто и тысячу разъ, предметы отпечатлѣваются въ душѣ все яснѣе и яснѣе,—сознаніе проясняется; душа чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе чувствуетъ себя запуганною громадою виѣшихъ предметовъ, тѣмъ менѣе чувствуетъ себя запутанною въ лабиринтѣ виѣшихъ впечатлѣній; эти впечатлѣнія она сортируетъ, одвородная слагаетъ въ отдельныя группы, называетъ каждую изъ нихъ однимъ именемъ, и составляетъ такимъ образомъ понятія. Это уже умъ далеко не эмпирическій, прикованный только къ виѣшимъ впечатлѣніямъ. Душа возникаетъ изъ своего прикосновенія, чувствуетъ силу, поднимастъ свой голосъ и говорить я, ясно уже противополагаетъ себя въ своемъ сознаніи всему, что не она. Что это за слово я, которымъ называетъ себя одинъ только человѣкъ въ ряду другихъ живыхъ существъ земныхъ?—Это далеко не отвлеченное только понятіе; это есть самое живое выраженія самообрѣтенія, и есть, если можно такъ сказать, выраженіе сохраненія самосущія души, при всякомъ актѣ ея соприкосновенія съ виѣшимъ міромъ,—выраженіе въ своемъ родѣ единственное, ни съ чѣмъ несравнимое. И животное отличаетъ себя отъ всего остального міра, противополагаетъ себя ему, но только чувствами удовольствія или неудовольствія, а

но своимъ я; это потому, что душа животнаго вся уходитъ на чувства и эмпирическія возврѣнія, въ нихъ какъ-бы дробится и исчезаетъ, и потому о своемъ я, о своемъ цѣльномъ образѣ, она ничего не знаетъ, потому что никогда не можетъ его и видѣть. До тѣхъ поръ, пока дитя не говоритъ я, и оно отличаетъ себя отъ всего остального міра только чувствами удовольствія, въ которыхъ душа его хотя и предстоитъ, но въ нихъ же какъ-бы и истощается, не можетъ обрѣсти себя иувидѣть въ своемъ цѣльномъ духовно-недѣлимомъ видѣ. Въ первомъ словѣ дитяти я есть уже, хотя быть можетъ для него что-то еще не ясное, но все же явленіе души самой себѣ, открыющіе себѣ въ видѣ лица, недѣлимаго, духовнаго, живаго. И потому съ этого момента, когда мы говоримъ я, когда умъ впервые почуетъ свою силу задерживаться, а не исчезать въ однихъ эмпирическихъ возврѣніяхъ, его самодѣятельность усиливается и расширяется, а съ нею расширяется быстро и кругъ его глядіи. Живое слово является и продуктомъ и вмѣстѣ необходимымъ принципомъ умооугравленія; языки,—это живой, говорящій разумъ, любопытство дѣтей, жажды свѣта и знанія чисто и то, на что и намъ отвѣтить не легко. Въ любопытныхъ личинахъ, какъ и человѣка вообще, именно видится одному чистоѣнческому разуму на землѣ свойственная жажда знанія для самаго онаго,—ради истины, а не ради только корма. Замѣчательно также тотъ фактъ, что чѣмъ болѣе увеличивается сумма актовъ соприкосновенія вниманія дитяти съ окружаю-

щимъ его міромъ, тѣмъ менѣе, можно сказать, удовлетворяется его жажда знанія, потому что чѣмъ болѣе открывается его вниманію новыхъ и новыхъ предметовъ и новыхъ сторонъ и свойствъ предмета, тѣмъ болѣе возникаетъ вопросовъ и все болѣе и болѣе серьезныхъ, сложныхъ, запутанныхъ; расширяется знаніе, умножаются сомнѣнія и вопросы; рѣшаются эти, возникаетъ несравненно больше еще новыхъ; духъ яснѣеть, но тѣмъ непрѣятѣльно еще становится ему сносить темныя еще ограждающія точки; міръ проясняется, но еще сильнѣе чувствуется жажда погнаніи свѣтъ, и по всѣхъ сице темныхъ закоулкахъ. Тѣль останавливаются здание всякиго человѣка, до какихъ результатовъ дойдетъ оно, какимъ путемъ будетъ идти, какие предметы болѣе, какою менѣе возбудятъ къ себѣ усиленное вниманіе,— на эти вопросы, при взгляде на юный человѣческий разумъ, едвали осмѣлитъся рѣшительно отвѣтить самъ смѣлый человѣческій пророкъ. Мы не будемъ слѣдить всего послѣдовательнаго, длишаго и извилистаго процесса отправленій познающаго человѣческаго разума. Но и изъ того, что сказано, кажется, мы имѣемъ уже право сказать, что человѣческій разумъ, по сравненію съ разумомъ всѣхъ другихъ существъ міра, представляетъ разницу не количественную только, но и качественную, специфическую. Именно: а) если сумма и достоинство знаній человѣка стоятъ въ обратномъ отношеніи къ богатству готоваго инстинктивнаго знанія, то значитъ, знаніями своими онъ обязанъ больше самому себѣ, своей разумной самодѣятельности, благодаря только которой онъ не далъ задавить себя неблагопрѣятнымъ для знанія его внѣшнимъ условіямъ; а это значитъ, что человѣческій духъ, по самому существу своему, есть не только разумный духъ, но и *свободный* разумъ (иначе онъ не нудился бы пробиваться сквозь тысячи препятствій къ разуму и свѣту, и никогда къ нему не пробился бы); б) какъ свободный разумный духъ, человѣкъ

своимъ начинаніемъ можетъ быть обязанъ только всесвободному, выносящему творческому Духу и разуму божественному, потому что природѣ ничего свободнаго творить не можетъ; въ ней все заечинено, и свобода — нарушеніе счеста и необходимо точнѣя притчи объ по симому существу ея и с) называющи, если честопочтитель риумъ, иль свободный, какъ разумъ для риума и истины, постоянно ищеть свѣта, и самъ не знаетъ о себѣ, когда онъ перестанетъ искать, когда удовлетворится, ищетъ безконечно, то не указывается ли онъ этимъ ии риумъ божественный, который одинъ есть разумъ всесвободный, безконечный, иѣчимъ свѣть, вѣчная безпределльная истина, не указывается ли такъ, какъ можетъ указывать образъ ии ея первообразъ?

И если обратимъ вниманіе на умъ человѣческій въ отдельныхъ областяхъ его знанія,—свѣта, то увидимъ, что онъ не можетъ говорить о себѣ, какъ объ умѣ свободномъ, нестѣсненномъ, иными рамками природы, подобно уму ипстинктивному, не можетъ говорить о себѣ, какъ объ образѣ ума божественнаго.

Начинаятельно, что ни въ св. бытописаніи, ни въ какихъ христианскихъ енгахъ и языческихъ теософіяхъ не говорится о первоначальной единотѣ, которая была бы въ началѣ помѣщена на одномъ дарохранительномъ пункѣ міра, и потомъ постепенно распространяясь по всему лицу земли, проникла въ глубь ея и океановъ, давъ отъ себѣ бытіе всѣмъ разнообразнымъ нынѣ существующимъ родамъ. Между тѣмъ наоборотъ и слово Божіе и лучшія христианскія енологии говорятъ, что первоначально была создана ~~одинаково~~ одна первоначата человѣческая, которая была поселена ~~однимъ~~ однажды въ раю, и потомъ, размножившись въ огромное царство человѣческаго рода, разошлась по всему лицу земли; единство,—происхожденіе отъ одной первоначаты человѣческаго рода, признается несомнѣннымъ и мнозиими христианами и отцовами-спортвопытателями. Итакъ, и въ занятії

различныхъ странъ міра человѣкъ является самодѣятельнымъ, и по сортируемымъ, приковываемымъ къ извѣстнымъ мѣстамъ природою; слѣдовательно выборомъ и расширенiemъ поля своего наблюденія и запанія онъ обязанъ преимущественно самому себѣ, являясь такимъ образомъ и въ этомъ уже случаѣ свободно-разумнымъ существомъ. Въ неразбитомъ же на родовыя частности и мелочи (какъ въ мірѣ животномъ) единствѣ человѣческаго рода и духа заключается еще болѣе вѣрный залогъ если не всеобъемлющаго, то безконечно расширяющагося запанія ума человѣческаго и притомъ запанія цѣльпаго, общаго, а не разбитаго на никогда несливимые куски. Говорятъ часто: область науки и истины, это самая неподкупная область. Если же такъ, то въ области одной истины всякий человѣкъ можетъ получить себѣ санкцію человѣческаго достоинства; ибо на всемъ земномъ шарѣ мы не найдемъ ни одного общества дикарій, не имѣющихъ хотя какихъ либуть знаній, добытыхъ путемъ опыта и наблюденія; нѣть на землѣ людей, которые бы не могли привнести отъ себя хотя малой лепты въ общую сокровищницу знанія,—лепты, всегда имѣющей право на признаніе и принятие; и, какъ нѣть людей безъ разума, такъ нѣть людей, совершенно изѣлыхъ изъ области истины. Но кромѣ обмѣна запаній человѣческихъ въ извѣстный моментъ исторіи, ведущаго къ ихъ слитію въ одно общее огромное знаніе, преемственная передача знаній путемъ завѣщанія или наученія дѣлаетъ этотъ итогъ знанія еще болѣе широкимъ и непрерывнымъ; тогда какъ умъ инстинктивный есть именно умъ обрывающійся, не имѣющій исторіи и преданія, а потому не могущій увеличиться и путемъ накопленія. Словомъ, одинъ человѣческій родъ идетъ къ истинѣ, какъ одинъ нераздѣльный и постоянно непрерывный духъ; вслѣдствіе чего и знаніе его едино, непрерывно и безконечно. Силою своею собственного свободнаго разума человѣкъ расширилъ поле виѣшнаго опыта

и поглощены до тѣхъ предѣловъ, какіе доступны всему животному миру иъ сокрушающі, а можетъ быть даже и перешель иск. Если животные существуютъ изъ-за пищи только и гасти, то трудно сказать, куда не ходилъ, куда побоялся бы идти человѣкъ изъ жажды ищущію только, хотя бы на пути предстояли ему засады непредѣстостей и опасностей; а потому особенно трудно сказать, куда не проникалъ и не заглядывалъ человѣческій разумъ: онъ избороздилъ всю землю, прошагъ въ почти моря, онъ проникалъ и въ глубь моря и дѣни въ земное сердце, онъ даже былъ птицей и леталъ въ воздухъ съ цѣллю быть можетъ горделивою—втянуть и небо и обнажь своего винагія; онъ открылъ, т. е. сдѣлалъ вполнѣ доступную своему наблюденію, огромную область предметовъ, вовсю неизученную для простаго, невооруженнаго чувства или же своей огромной отдаленности, или же по безконечной ма-
тери, или различить то, что кажется не разложимо, и разѣ-
вать то, что въ природѣ индивидуально (не съ тѣмъ, чтобы
видѣть тѣло, тѣло живое, но и) чтобы изучить внутрен-
нюю гармонію и жизненность процессы индивидуальной жизни. И
можемъ ли мы терпѣти ни точная числа то, что знаетъ о
мире теперь разумъ человѣческій, или что еще будетъ знать?—
То, что знаетъ, можетъ быть, кто и исчислитъ, но развѣ только
въ сумѣ апологетій или современныхъ научныхъ результа-
тій, но во вѣнѣющей фантомъ, на которыхъ онъ построены. Но по-
нимимъ, что въ современныхъ научныхъ результатахъ мы
имѣемъ чисто приблизительный итогъ человѣческаго знанія,—
но можемъ ли мы сказать, что эти результаты уже послѣдніе,
или что, хотя они и будутъ шире, но разумъ человѣческій съ
рѣшимъъ такихъ или другихъ проблемъ, навсегда уже
нетакончатся и не побѣдятъ дѣланій? Множество открытій въ об-
ществѣ открытий сдѣлано и въ послѣднее время; вдругъ какъ-

бы или небытія возникли дѣлъя науки,—но скажемъ ли мы, что человѣческій разумъ уже усвоился и почиваетъ на лаврахъ?—Нѣть, мы даже не можемъ сказать, чтобы при нынѣшнемъ сравнительно-блестящемъ состояніи естествознанія, въ немъ было менѣе проблемъ, чѣмъ сколько ихъ было сто или болѣе лѣтъ назадъ; напротивъ, если многіе изъ замѣщанныхъ вопросовъ разрѣшены, то новыхъ возникло еще вдвое больше; и всегда, чѣмъ дальше подвигается впередъ наука, тѣмъ болѣе расширяется поле наблюденій, тѣмъ болѣе усложняются и увеличиваются задачи, подлежащія решенію. И можемъ ли мы сказать, исчислить, какіе вопросы рѣшить еще умъ человѣческій, какіе законы, какія области откроетъ онъ, и открытии остановится, потому что мѣра и число его исполнились? Нѣть; онъ и теперь смотритъ и всегда будетъ смотрѣть все впередъ и впередъ,—доколѣ?—опъ этого не знаетъ. Если жъ человѣческому разуму въ дѣлѣ его знанія міра не поставлено, какъ уму истицкимъ, твердой грани, на которой бы было палисано—«доселѣ дойдешіи и далѣе не прейдешіи»; то не указываетъ ли онъ ясно собою на Разумъ высочайшій, безконечный? Кому подобенъ, на какой умъ указываетъ умъ человѣческій, постоянно и безконечно познающій, всюду проникнуть, все—отъ величайшаго до самомалѣйшаго въ мірѣ своею мыслю обнять и освѣтить желающій?—На какомъ, какъ не на тотъ Умѣ, Который отъ вѣчности все видитъ и знаетъ,—и высоту небесъ и число звѣздъ, широту и глубину морей до послѣдней капли, и число песка морскаго, и число волосъ на главахъ нашихъ, однимъ словомъ, на тотъ вѣчный Умъ, для Котораго во всемъ великому міру искони не было и теперь вѣтъ ни одной сколько нибудь неясной точки.—Но не въ безконечную только будущую даль устремленъ умъ человѣческій: онъ сквозь цѣль кѣковъ хочетъ прописнуть въ такое же почти безконечно далекое для него прошедшее. И философы пытались решить вопросъ о па-

чи іншого міра и всякаго бытія; но онъ недоволенъ гадательными философскими рѣшеніями, онъ хочетъ разрѣшить его болѣе точно: возникаетъ цѣлая наука—геология. Церковно-христіанская доктрина встрѣтила эту науку съ негодованіемъ и порицаніемъ. Мы скажемъ даже болѣе: въ одномъ смыслѣ она есть попытка даже святотатственная;—но въ другомъ случаѣ она вполнѣ законна и еще яснѣе характеризуетъ предпринимающій ее умъ человѣческій, какъ умъ богоподобный: она есть святотатство, если умъ нашъ въ самомъ дѣлѣ вообразить, что онъ можетъ перенестись къ первоначаламъ міра, и тамъ, поспѣвъ надъ бездною, устроить ее по своимъ соображеніямъ; но она вполнѣ законна, какъ стремленіе ума человѣческаго приблизиться собственными силами къ тайнамъ творческаго Ума Божія,—стремленіе, которое отъ полнаго удовлетворенія всегда будетъ безконечно, безконечно далеко. Не больше ста лѣтъ, какъ возникла эта наука,—и цѣлые десятки системъ успѣхъ уже смѣнить одна другую, не успѣли однакожъ достигнуть чого нибудь положительно іїрнаго; и можно смѣло сказать, что для науки этой предстоитъ еще, и всегда будетъ предстоитъ такое же безконечное число стадій, какъ безконечно разностіиє ума человѣческаго отъ творческаго Ума божественнаго, по все-таки въ ней умъ человѣческій указываетъ собою на Умъ божественный, какъ Его образъ. Не можемъ не упомянуть еще обѣ одной человѣческой наукѣ,—начинающей и кончивающей всѣ другія естественные науки,—именно, о наукѣ числа, вѣса и мѣры. Знанія, какъ правильны, точно разработаны животные инстинкты и жизнеотправлѣнія, должно бы предположить, что умъ инстинктивный скорѣе всего родить точную математику. Но число есть тоже отвлеченное понятіе, и очно то же есть тоже, что мышленіе по понятіямъ; но мышленіе по понятіямъ инстинктивный разумъ, какъ мы сказали, не можетъ, и потому, если животная интуиція обнаруживаются

знатію счета, то вдѣсь считаются не они своею мыслю, а за то считается тотъ же необходимый инстинктъ. «Весьма любопытная, говоритъ Рейдъ, представилась проблема по поводу строенія сотовъ, именно, требовалось разрѣшить, подъ какимъ именно угломъ должны встрѣтиться три плоскости, составляющія дно пчелиной ячейки, чтобы представить возможно большую экономію или возможно меньшую затрату труда и матеріала. Эта проблема относится къ трансцендентальной части математики, и есть одна изъ тѣхъ, которая называются *de maxima* и *de minima*. Она была разрѣшена математиками путемъ бничонечныхъ, сложныхъ вычислений, и по точномъ измѣрений оказалось, что найденному такимъ путемъ углу вполнѣ соответствуетъ уголъ, составляемый тремя плоскостями действительной ячейки. Но сдавали мы имъемъ нуду говорить, что пчелы сами ничего не знаютъ о проблемахъ—*de maxima* и *de minima*, строятъ свои соты весьма геометрически безъ всякаго знанія геометріи, и заставляютъ насъ видѣть за ними какого-то другаго, всегда вѣрнаго, безошибочнаго геометра»¹⁾. Тоже должно сказать о числѣ и мѣрѣ и вообще у животныхъ. Притомъ же, если у животныхъ и можно замѣтить счетъ, то онъ, какъ счетъ инстинкта или все мѣрищай природы,—всегда ограниченный; между тѣмъ какъ нашимъ числамъ, счету кажется что трудно доказать послѣдній предѣль. Но, человѣческій разумъ, все исчисляющій, взвѣшивающій и измѣряющій сознательно,—ис указываетъ ли собою на Разумъ божественный, Который прежде его все исчислилъ,—все устроилъ числомъ, мѣрою и вѣсомъ?

Если умъ инстинктивный не останавливается среди общей текучести природы, чтобы задержать въ своей мысли постоянные законы эмпирическихъ явлений въ мірѣ, то тѣмъ болѣе

¹⁾ Оноугас de Reid t. IV, p. 14, 15.

нико не сумнівай и по можеъ спуститься за видимую оболочку
вещей и явлений, чтобы видеть разумное значеніе ихъ, идеаль-
ныи смыслъ. И потому онъ легко обнаруживаетъ себя человѣческимъ разумомъ, какъ разумъ премірий въ томъ, что онъ не
можетъ отнестись ии живицъ и ии явленій съ минутнымъ только
успітіемъ привыкшаго житія міра сего, ии то же однихъ
финансовихъ явленій ии его личинахъ. Ноъ, онъ хочетъ
отнестись ии живицъ съ точки зор'ї духа бессмертнаго; онъ
щептитъ, что мимонечтная двасія сего міра пройдутъ и исчез-
нутъ, ноъ лишь такъ, что какъ бы они ни были мимолетны
и непрочісими, воъ всякомъ случаѣ они служатъ указаніями
и вѣчной истины; и потому онъ хочетъ сквозь внѣшнюю обол-
очку вещей и явлений спуститься, такъ сказать, на дно, въ
римую глубь ихъ, чтобы понять ихъ сущность или тотъ разумъ,
какой они имаютъ ии области вѣчной истины, онъ хочетъ воз-
звѣстить землю искаженныхъ эмпірическихъ отношеній и созерцать
ии то суть искривленыхъ отношеній и вѣчныхъ разумныхъ
каноній. Этому стремленію своему онъ отвѣчаетъ философіей.
Многіе идиocyти, а особенно западные, очень неблагопріятно
относятся къ философії въ видѣли въ ней дерзкую пошткку
человѣческого разума проникнуть туда, куда проникать онъ и
не въ силѣ и не должно. Мы скажемъ, что она даже есть
и въ сиюмъ роѣ спекулятивно, коль скоро философствующій
разумъ неумѣетъ представить себѣ творцемъ вѣчной абсолют-
ной истины, и свою философію- считать вполнѣ довѣрющімъ
принципомъ еї. Ноъ философія перестала бы и быть филосо-
фіей, еслибы хотѣла и могла быть догматикой абсолютной ис-
тины, иѣ нѣтъ ии въ сиюмъ же своемъ видѣ она есть только стрем-
леніе иного разума предъехити ии сиюмъ міру хотя слаб-
ымъ привнеси сиянія той вѣчной истины, которая будетъ со-
ставлять ииогда его постоянную обителъ, стремленіе возможно-
вѣтъ приблизитъ къ своему первообразу—Разуму божествен-

ному;—а такое стремление вполнѣ свято и законно. И если какой, то философствующей человѣческой разумъ, отвлекающейся отъ всего видимаго, стояцій выше всѣхъ случайностей, возлетающей на такую высоту, откуда уже не видно ничего частичнаго, колеблющагося, измѣняющаго, но виденъ только общій неизмѣнныій порядокъ, гармонія и единство, старающейся спуститься въ самую глубь, въ сердце или идею всего сущаго,—иъ идсю, которая бы покрывала собою, просвѣтляла все, кажущееся случанымъ, темнымъ, неразумнымъ, болѣе всего представлять собою образъ Разума божественнаго, безконечно надъ землемъ превознесеннаго,—предъ Которымъ обнажены и сокровенійнія глубинъ, идеи и цѣли всѣхъ существъ, предъ лицемъ Котораго и малѣйшая пылинка и все, кажущеся ничтожнѣмъ имѣть свой смыслъ, идею. Вотъ въ какую область устремился поэтическо-философскій умъ Платона: «никакой поэтъ, говорить Платонъ, не славиль и никогда не скрѣбеть по достоинству прославить поднебесныи предметы. Эта область есть мѣстопребываніе самаго бытія, настоящаго бытія, безъ цвѣта, безъ образа, бытія неосязаемаго, видимаго только уму и составляющаго предметъ настоящаго знанія. Умы богоў, которые питаются чистымъ знаніемъ и всѣ другіе хорошо устроенные умы созерцаютъ отъ времепи до времени этотъ міръ чистаго бытія и наслаждаются и питаются этимъ созерцаніемъ; здѣсь они созерцаютъ саму справедливость, саму красоту, самое знаніе,—ис то знаніе, которое существуетъ въ одной изъ всѣхъ, кои мы называемъ сущими, но знаніе, содержащееся въ бытіи вообще, въ томъ, что дѣйствительно есть, а не бываетъ только. И всяка душа, которая достигаетъ лицеарѣнія чего либо истиннаго, сущаго, избавляется отъ всякаго зла и пребываетъ цѣлою и невредимою навсегда»¹⁾. Сюда

¹⁾ Н. Гогорій физ. Львовскя стр. 219, 220.

же, въ обличь чистаго, превосходаго, разумнаго бытія,— якою
видимаю толькож Божественмъ, стремится душа и всякаго истин-
наго философіи; таъ бываю хотеть философствующій разумъ
стать къ вечной Истины, къ иначому Разуму. За то, если гдѣ
пельмож уходить точныхъ предѣлъ человѣческой мысли, то въ
области философіи не преодолеть. пройти вѣка, а человѣ-
ческій разумъ не уходить ни одногъ еще венца въ самое лицо,
такъ жасть они для субъ, и судиль и пынѣ судить о вну-
треннемъ венце, о ся сущности по ся виѣшнимъ проявленіямъ
и дѣяніямъ ихъ познаніонїй умъ. Къ совершенному познанію
сущности всего существующаго такое же бесконечное число
стадій, какъ отъ нашего разума къ Разуму божественному—ви-
званику этой сущности, стадій, которыхъ слишкомъ достаточно
для прохожденія всему человѣчеству, и которыхъ никто изъ
нихъ исполнить не можетъ даже приблизительно. Исторія фи-
лософіи пынѣ довольно уже длинна и сложна; множество раз-
ннобранныхъ системъ, рѣшавшихъ проблемы философіи съ
различныхъ точекъ зреїя, предъ нами,—но знаемъ
мы, послѣднаго разумъ нашъ сталъ ближе къ вѣчной истинѣ,
какою путь еще остается въ ней, какой далѣе путь, какія
средства опять дѣлать, избрать и какія изберетъ въ видахъ скро-
рѣшеннія противника къ ней?—Нѣтъ; тутъ мы не знаемъ не-
обходимаго въопи, это область свободнаго мышленія, а потому
не можетъ быть здѣсь и явиаго счета.

Если природный или инстинктивный умъ не можетъ за-
держаться, самосорудочиться для знанія того, что виѣ его,
то чѣмъ менѣе можетъ задержаться для знанія себя самаго,
или всего вообще содержанія души претитаніей, чтобы стать
такимъ образомъ умомъ самосознаннымъ. Чудные инстинкты,
чудный разумъ проявляются въ животной жизни, но этотъ раз-
умъ не обращается на себя, чтобы дѣлъ самому себѣ о себѣ
отчетъ, потому что онъ разумъ не самовладѣющій, не самъ

свои, и чужой, давший необходимость. Душа животная во всякомъ своемъ актѣ, такъ сказать, поглощается вся, — вся уходитъ на эмпирическія состоянія или возврѣнія, за которыми не остается ея цѣльного разумнаго образа, который бы могъ наблюдать, если бы ея состоянія и возврѣнія. Этотъ недостатокъ, быть можетъ, и вознаградимъ бы быть, еслибы животная душа имѣла способность свободнаго намѣреннаго воспоминанія, еслибы могла постъ различныхъ своихъ состояній, на досугѣ сюжетъ изыскивать ихъ, разлагать, соединять, обобщать. Но этой способности она не имѣеть, потому что воспоминаніе и есть собственно симоводрживаніе или лучше самовозпроизведеніе души; не имѣеть она также и способности различенія и обобщенія, и быть этого не возможно никакое званіе. Но разумъ человѣческій не только не упливаетъ и не истощается для всего вѣнчанаго, задерживая его въ понятіяхъ, въ наукѣ, но не упливаетъ и для себя самаго и всей вообще души, можетъ задержать себѣ для себя самаго, т. е. можетъ наблюдать, изучать и свои собственныя отправленія и весь вообще жизненный строй разумно-свободной души, и имѣть такимъ образомъ науку о ней; самымъ простымъ, какъ и самымъ очевиднымъ доказательствомъ этого служить конечно самое существованіе такой науки.

Стѣдопало бы, быть можетъ, обратить особенное внимание на эту науку человѣка о себѣ самомъ, такъ какъ здѣсь можно было бы разомъ видѣть и человѣческий умъ, взглядывающійся въ глубь души, изучающій ее, и самую душу, какъ она является предъ нимъ. Но мы можемъ остановиться только на болѣе выпуклыхъ психическихъ фактахъ, именно такихъ, въ которыхъ духъ человѣческій ясно открывается, какъ существо не натуральное, а какъ существо премірное, какъ образъ Духа абсолютнаго.

Справедливость требуетъ заявитьъ, что вѣсЬ психологіи **или** феноменологіи или метафизической характера неимого оказавши удачу въ дѣлѣ уясненія сущности психической деятельности и самой сущности тѣхъ членъческой; но также спрашиваніе требуетъ сказатьъ, что психологія крайне эмпирічного характера считаетъ все непременно и произвольно **одинаковою** сущностью души, и слишкомъ уже много берутъ на себѣ, раздѣляя членъческую душу со всякою эмпиріческою силой, и пытаясь ее изучать и измѣрять по одной феноменальной мѣрѣ. Членъческий разумъ, ищацій точности во всѣхъ своихъ типахъ, хотѣть внести точную мѣру и счетъ въ область членъческой психической жизни, дѣлать попытки изучить членъческую душу, какъ и всякую натуральную, эмпирічески пронизывающую силу, т. е. подвергать ее экспериментамъ, то разлагая, то свердоточивая ее, то съживая, то расщиряя ее существенность и различия отправленія, и затѣмъ въ наблюденіи момента и явленія заключать въ точные математические вычисли. Оппозиція одна еще эмпиріческая ионизациіи не избываетъ, да и никогда не перенесется на точные членъчиности душевной жизни. Правда, что касается явлений тѣхъ плюшавшихъ психофизическихъ, въ которыхъ мысли о духовности, свободы и индивидуальности, больше материологии, необходимости и общности, то попытки эмпиріческой психологіи не обходятся здѣсь безъ успѣха, такъ какъ самъ предметъ эксперимента и счеты Считая все содержание нашей тѣхъ есть не продуктомъ, то непосредственнымъ отображениемъ отпечатковъ видимыхъ впечатлений и всю дѣятельность ихъ записываю въ триподахъ чувствъ, эмпиріческая психологія тщетною или чувствующи въ нихъ опущеніяхъ все свое инициативу, подвергъ ихъ старого научному анализа; вслѣдствіе чего движение точекъ опредѣлена закономъ фиксированности чувствъ, показано отсутствіе между видимыми впечатлѣніями и ощущеніями.

ществами, частичках быстрота ощущений, показана отчасти связь между физиологическими отправлениями, условиями, причинами и психическими явлениями и проч. Но все это даетъ намъ знать только о поверхности, такъ сказать, или о вѣнчайшей оболочкѣ души нашей, а не о глубинѣ ея. Въ этой-то глубинѣ души и трудны, почти что невозможны удачные, точные эксперименты, а затѣмъ невозможны и точные счеты. Прежде всего трудно всякое душевное явление сообразно съ цѣлями опыта сдѣлать устойчивымъ и равномѣрнымъ, по произволу то вызывать его и задерживать, то снова прогонять; очень трудно напр. намѣренно заставить себя такъ или иначе, съ такою или другою целью и быстротою мыслить съ цѣлію наблюдать надъ собою, и еще труднѣе насильно вызвать въ себѣ такое или другое чувство, но произволу усиливать и ослаблять его и сколько угодно задерживать. Трудно далѣе совершенно уединить душу отъ тѣхъ постороннихъ вліяній, которыя не входятъ въ цѣли опыта, потому что и при действительномъ отсутствіи этихъ вліяній, душа мысленно можетъ входить въ со-прикосновеніе съ ними. Наконецъ, въ самой душѣ еще несравненно труднѣе производить сложеніе и разложеніе явлений, а также уединять явленія, отдѣлять одну ихъ область отъ другой; потому что мысль и чувство, чувство и желаніе такъ вездѣ переплетаются, такъ взаимно соприступи другъ другу, что трудно даже угадать ихъ переходъ изъ одного въ другое. А гдѣ не можетъ быть точнаго эксперимента, тамъ не можетъ быть и точнаго счета. Можно ли высчитать напр. силу чувства,—когда это есть нечто такое глубокое, внутреннее, что только чувствуется, переживается, что трудно даже бываетъ выразить словомъ,—не то, что перевести на цифры? О зависимости силы чувства отъ силы впечатлѣній можно еще говорить, но и то труденъ точный счетъ, потому что между тою и другою силою не всегда бываетъ прямое отношеніе;—бы-

шить чисто и обратно. Этого позицией тоже можно сказать; что это сама имѣеть свою степень, это вѣрно, но какъ исчислить ея, сказать кто скажетъ, и тутъ между сю и силой влекущей къ себѣ не всегда бываетъ прямое отношеніе. Что бы выразилъ мысли, то есть какъ будто для цели точная мѣра: **одинаковыи и различныи индивиды**, но мнѣніе Бундта, можно судить по логическому употреблѣнію имъ въ сочиненіяхъ единъ. Можемъ оить и такъ; только сдавали этимъ способомъ можно выяснить силу мысли, и количество времени, потраченныхъ на исполненіе ли свое сочиненіе. На основаніи настоящихъ данныхъ (если будуть ли когда вполнѣ точны?) никто не въ состоянии определить, сколько мысли и въ какой степени отвѣтственны и сюда потребно для обсужденія извѣстнаго вопроса, увидеть хотя приблизительную прогрессію движений и повторять мысли и въ томъ случаѣ; и наоборотъ, прочитавъ книгу и составивъ ей находящіяся въ ней мысли, взвѣсивъ при этомъ важность, значеніе и взаимное отношеніе ихъ, вывести приблизительно даже можно сказать, сколько нарижено, сколько дѣлъ, часовъ, минутъ потребовало она отъ автора. Нельзя сказать даже, чтобы эта мысль всегда бывала въ прямомъ отношеніи къ важности и занимательности подлежащаго ей предмета, иногда бываетъ и наоборотъ; равно нельзя разъяснить по равноМѣрю теченіе мысли, ибо, кто не знаетъ, лишь часто въ счастливыхъ минуты озаренія ума мысль льется и падаетъ, быстрымъ потокомъ и вдругъ выливается прекрасное цѣлое, полное прекрасныхъ мыслей и оригинальныхъ оборотовъ, и такъ часто наоборотъ, мысли повидимому и неглубокія приходится какъ будто добывать, тянуть изъ головы. Наконецъ, если гдѣ, то въ области психической человѣка индивидуальнаго и свободное мнѣніе играть такую сильную роль, что честно можетъ нарушать всѣю общую норму, и стѣдовъ, всякий видъ правды. Мы не въ тому впрочемъ все это

говоримъ, чтобы убѣдигтъ въ совершиеній безуспѣшности и бесполезности всіихъ эмпирическихъ попытокъ въ области психологии; иѣть, напротивъ подобныя попытки обѣщаютъ все-таки лучшее будущее для психологической науки;—но къ тому, чтобы видѣть какъ поспѣшно еще заключеніе крайняго эмпиризма о человѣческой душѣ, какъ объ обыкновенной эмпирической силѣ, удобоизмѣримой и исчислимой, и какъ напрѣменно эмпиризмъ закрываетъ глаза, чтобы не видѣть въ человѣческой душѣ того, что она есть. Человѣческій духъ, уеконзывающій отъ всякаго принудительнаго эксперимента, разложенія и счета, и предъ умомъ желающимъ экспериментировать его явится далеко не похожимъ на обыкновенный продуктъ способной къ дѣленію и разложенію матеріи и силы—ведь измѣримыхъ и удобоисчислимыхъ, но является именно какъ духъ недѣлимы, неразложимый, простой и свободный, а потому и несочетомый. Это широчемъ не то значить, чтобы духъ нашъ не управлялся никакимъ закономъ, а только то, что онъ управляетъ закономъ специфически-отличнымъ отъ закона физической необходимости, именно закономъ разумной свободы. Такимъ образомъ и здѣсь духъ нашъ является какъ существо премірное, какъ образъ чистѣйшаго и всесвободнаго Духа божественнаго.

Если умъ инстинктивный, текучій, чисто-эмпиріческій не возвращается на себя, то тѣмъ болѣе не возвращается за себя, т. е. мыслю свою не возвращается къ своему первоисходу и не перевосится къ послѣднему своему предѣлу, хотя несомнѣнно, что все имѣть свое начало и выходъ и свое послѣднее назначеніе. Духъ же человѣческій устремляется свою мыслю и къ своему первоестественному и къ послѣднему будущему. Эмпирики-психологи говорятъ, что вопросы нашего духа о своемъ началѣ и о своемъ будущемъ совершенно должны быть вычеркнуты изъ суммы научныхъ психологическихъ

вопроща. Но наука по изучению ихъ должна, а только отослать умъ ишь туди, гдѣ они рѣшаются, если ужъ сама она изучимъ образомъ разобрать ихъ не берется; потому что пусть они изучены будуть и изъ всѣхъ наукъ, они не могутъ быть изучеными, ни даже историами изъ нашей души, гдѣ они коренятся едва ли глубже еще другихъ вопросовъ, чѣмъ мысль ишь, должно полагать, она видѣть весь смыслъ и значение своей жизни. Вопросы эти общи всему человѣчеству и вѣкъ времень, и всѣмъ человѣчествомъ рѣшались они почти что однажды. Какъ ни трубы древнія религіозныя вѣрованія и представленія, но все же въ нихъ человѣкъ не производилъ смысла отъ достаточнаго первоначала,—ни отъ слѣпой матери и гнили, ни отъ себя самаго, а всегда полагалъ свое начало въ существѣ безконечно-совершенѣишиемъ и высшемъ Годи, которое онъ считалъ близкимъ и сроднымъ себѣ, считалъ и въсѧ первообразомъ своимъ; только образы, въ которыхъ проявлялось это существо, не были достойны славы и существа Творца тварей и человека. На другой вопросъ также все почти человѣчество и во вѣкъ почти времена отвѣщало вѣрою въ безмеріе, или вѣчную жизнь въ царствѣ того же благотимаго Существа. Всѣ сколько нибудь значительные исторические народы имѣли и имѣютъ представление о потусторонней жизни, имѣютъ свое царство умершихъ, царство духовъ; и у ишьихъ самое благородѣйшее въ ихъ культурѣ, постепенноющиихъ, нравахъ тѣснѣйшимъ образомъ всегда связано было съ вѣрою въ жизнь за гробомъ, напр. древне-германское притчи съ представлениемъ о Валгалль; въ добровольной смерти мучениковъ и мученицъ,—которыхъ имѣли всѣ народы и религіи, и лицѣ цвѣтушихъ здоровьемъ юношей съ геройствомъ погребающихихъ смерть и даже жаждущихъ ея, какъ лучшего битва и славы,—что мы видимъ какъ не самый гений безмерія! Такъ говорить исторія; но и помимо исторіи само-

изпитающій духъ нашъ, не обязанъ ли признать тоже самое, по поводу чистоты изъ его глубинъ вопросовъ о его первоначалѣ и последицѣ будущемъ?—Кажется, что обязанъ, и необходимо обязать; ибо если духъ нашъ задерживается въ общемъ нигдѣ незадерживающемся процессѣ міра, задерживается не только на своемъ настоящемъ, но и простирается въ свое прошлое, пытается къ исканію своего начала; то это одно говоритъ о немъ, иначе о премірномъ существѣ, какъ о такой шестой монадѣ, которая вовсе не можетъ быть дана однимъ общимъ процессомъ міра; потому что въ немъ никто и ничто не только не возвращается за себя, но и на себѣ, который следовательно никакимъ образомъ самъ не могъ создать такую неувидимую монаду. Да же, — въ самомъ себѣ духъ нашъ тоже пытать не можетъ полагать своего начала, потому что отъ вовсе не помнить и ничего не знать о своемъ первомъ само положеніи. Поэтому, вѣра вѣхъ народовъ, что человѣкъ имѣть свое начало въ Богѣ, какъ своею высочайшемъ первообразѣ, есть вмѣстѣ прямое и необходимое требование нашего себя мыслящаго духа; потому эта вѣра и всеобща, что она есть требование всеобщаго неизмѣннаго закона нашего духа, нашей мысли.—По также никакою силою мы не устранимъ отъ нашей мысли вопроса о нашемъ будущемъ, изъ нашего сердца не вырвемъ надеждъ и желаній, обращенныхъ къ нему. Этотъ фактъ столь же ясно говорить нашему уму, что духъ нашъ,—своими мыслями, желаніями и стремленіями безконечно упреждающій міровой процессъ, не долженъ и не можетъ исстощиться-исчезнуть въ немъ, что душа наша не есть одна изъ минутно появляющихся и потомъ безвозвратно исчезающихъ физическихъ монадъ, но есть монада премірная и между вѣхами монадами тварными, монада царственная, центральная, которая не можетъ быть втянута ими въ общей процессъ исчезновенія, но должна остаться среди ихъ неразрушимою, без-

имерено. Человѣческія усилія пайти воду постоянной юности, яркою вѣчной жизни,—вообще наше желаніе возможно-большаго продолженія жизни,—конечно имѣеть видъ желанія поддержать жизнь при настоящихъ условіяхъ—физическую; но если привлечь во вниманіе, что всякий изъ насъ помимо этого все-таки смотритъ за предѣлы жизни настоящей, и иногда со страшною, и иногда даже съ наслажденіемъ предвкушающей жизнь иного мира,—то и желаніе продлить жизнь настоящую,—можно по праву считать чѣмъ-то похожимъ на не совсѣмъ еще ясное восхищеніе человѣка самою дѣйствительностью своего вѣчнаго продолженія, на реальное живое пророчество о вѣчной жизни, которое обмануть не можетъ. Въ противоположности человѣческаго страха предъ смертію и вѣчностію, и человѣческаго желанія вѣчной жизни высказывается то единственное состояніе сознанія, въ которомъ чувство жизни переходитъ въ чувство вѣчности, то и другое другъ друга проникаютъ и подавливаютъ. Все въ мірѣ исчезаетъ, ничто не задерживается въ себѣ и для себя, какъ иѣчто само для себя сущее, твердое, иѣчное, не исчезаетъ въ общемъ процессѣ, ни въ комъ не исчезаетъ сожалѣнія и памяти по себѣ, потому именно должно видѣть, что ничто въ міровомъ процессѣ исчезающее не мыслится иначе какъ негибущая субстанція, и на самомъ дѣлѣ не есть иѣчто самосущее, о которомъ бы слѣдовало жалѣть и помнить и постѣ его исчезновенія. Но мы тоскуемъ по знакомыхъ намъ лицахъ и близкихъ къ намъ,—отшедшихъ изъ нашего міра; что то, никогда даже совершенно мы забыть ихъ не можемъ, мы часто мыслью бесѣдуемъ съ ними какъ съ живыми, помнитъ о нихъ, о ихъ счастьи, блаженствѣ, и все это потому именно, что мысль наша по какому-то недорѣдомому закону мыслить человѣческую душу не иначе какъ самосущую, не исчезающую, но могущую улучшиться въ общиѣ безличный про-цессъ, по производящему темъ же недѣлимымъ, неразложи-

мыть лицемъ, какимъ мы ее знали и въ этой жизни,—такъ что представленіе о совершенномъ уничтоженіи лица близкаго къ намъ и вообще человѣка,—представленіе,—что изъ него только «выростетъ лонухъ»—несравненно невыносимѣе и для мысли и для чувства, чѣмъ представленіе о физической смерти. А это не иначе какъ потому, что душа человѣческая и въ самомъ дѣлѣ не можетъ исчезнуть въ мірѣ, а необходимо должна жить и въ вечности. — Такимъ образомъ духъ нашъ глубокими, скромными и чистыми своими движениями и вопросами (хотя не всегда вполнѣ ясно) симъ себѣ выкладываетъ тайну своего начала отъ творческаго божества Духа, и тайну своей вечной жизни и въ прародѣ тогоже вечнаго Духа. Или, что тоже, онъ самъ склоняетъ себѣ не только какъ творение Божie, но и какъ образъ Божiй,—какъ образъ Бога вечнаго, живаго,—сказываетъ какъ существо, которое бессмертно, не только какъ божественная мысль, которой Богъ не забудеть никогда, но еще болѣе—какъ единственное на землѣ Богу сродное существо, къ которому Богъ стоитъ въ животѣ личномъ отношеніи,—какъ сама индивидуализированная жизнь, надъ которой смерть не только не имѣеть силы, но и сама должна умереть въ желаніи умертвить эту жизнь.

Цѣль «человѣка» устанавливается нами въ человѣческомъ, частнѣе обѣ, умѣ самоознающемъ. Какъ бы ни была несовершенна психологическая наука, но для насъ важно то, что она есть и можетъ быть, то важно, что разумъ нашъ можетъ обращаться на себя, углубляться во внутрь духа, наблюдать, изучать его; ибо въ этомъ случаѣ нашъ разумъ представляетъ въ себѣ еще болѣе специфическое различие отъ всего мірного, вѣчно текущаго, никогда на себя не обращающагося, и въ частности отъ безотчетнаго ума инстинктивнаго; и, какъ разумъ самопознающій, самоотчетный, указываетъ собою на самовѣдущій Разумъ божественный. Что касается предѣловъ

самоопиращаго чючевчесаго разума, то также указать ихъ невозможно; никто, никакой психологъ не скажетъ, гдѣ и когда начало кончина нашо знаніе о себѣ; наша душа отражаетъ въ себѣ цѣлый міръ, и изученіе ея почти-что равняется изученію цѣлаго міра, и видѣть, какъ и изъ существованіи, чѣмъ возможно упакуеть, тѣмъ бо наше еще остается узнать, чѣмъ возможно вынужденетъ душа предъ сознаніемъ, тѣмъ болѣе вынужденастъ сторопъ, требующихъ изученія,—такъ что во-внѣчны, насающіеся жизни и дѣлами нашего духа, вполнѣ доста-точна, и быть можетъ невполнѣ исчерпаемы не только для чючевика, но и для всего человѣчества; и здѣсь слѣд. не мож-но быть точной мѣры и счета уму человѣческому и здѣсь не упазывается собою на безконечный Умъ божественный.—Если же разумъ человѣческій во всѣхъ своихъ проявленіяхъ упирается па высочайшій Разумъ Бога, то значитъ, онъ и не существуетъ своему—отъначала есть образъ Его, какъ разумъ чючевий, свободный и вслѣдствіе этого не разрываемый и не разинчиваемый или размѣриваемый процессомъ необходимости, не упирающій въ общий безотчетный токъ, но могущій само-гиродоготичаться и постоянно все болѣе и болѣе развиваться, приводить въ движение, все болѣе и болѣе приближаться къ вѣчному Силѣ риаломъ, и такъ въ безконечность...

Но если въ природѣ все течеть своимъ чередомъ, не отставшиои своего вниманія, чтобы понять что нибудь и за-держатъ общій потокъ въ своихъ понятіяхъ, то также ничего не склоняется, чтобы собрать и увеличить свои силы. Рѣзкими науками стоять на той данной опытомъ аксіомѣ, что въ природѣ постоянно дѣйствуютъ одни и тѣже законы и силы, не уменьшаясь и никогда не увеличиваясь. Въ теченіи пѣтилетія дѣлалась вѣкою солнце и на іогу не увеличило силы своего притяженія, земля также не собрала и настолько силы, чтобы хотя па землю притусъ ближе притянуть къ себѣ луну,

или чтобы заставить ее двигаться быстрѣе. Но и тамъ, гдѣ повидимому есть всѣ признаки самообладанія—и міръ живыхъ существъ природы,—и здѣсь не замѣтишь ни въ чёмъ накопленія, увеличенія силы. Въ тяжеломъ повидимому и поносномъ рабствѣ находятся у человѣка нѣкоторыя животныя,—животныя притомъ владѣющія сравнительно болѣею силой, чѣмъ господинъ ихъ, и однако никому изъ нихъ не пришло и до сихъ поръ въ голову сдѣлать агитацию противъ тирана, произвести общее движеніе и употребить всѣ свои силы, чтобы свергнуть тяжелое ярмо съ плечъ своихъ. Никто изъ животныхъ не улучшилъ ничѣмъ вообще своего состоянія, не расширилъ удобствъ своей жизни. Тѣмъ легче, кажется, это возможно бы для нихъ, что они имѣютъ постоянно предъ глазами своими примеръ человѣка;—столбцы только подражать. Обезьяны и отличаются способностью подражанія; но это подражаніе есть не болѣе, какъ передразниваніе, не имѣющее ни смысла ни опредѣленной цѣли, а потому и не приносящее имъ никакой пользы; «Многія домашнія животныя напр., говоритъ Дюгальдъ Стюартъ, любятъ искусственную теплоту, и говорятъ, что обезьяны даже въ диковинъ своимъ состояніемъ часто окружали огонь, разложеній человѣкомъ. Но никто изъ нихъ не научился самому простому искусству бросить иѣсколько щепокъ въ огонь, чтобы поддержать его. Собака, одно изъ умѣйшихъ животныхъ, всегда имѣеть случай наблюдать, какимъ образомъ приготовляется наша пища, да и ся пища приготовляется на огнѣ;—однако никогда еще никто не видѣлъ, да и не увидитъ, чтобы она добытый сырой кусокъ мяса прижарила себѣ на угляхъ»¹⁾. И всѣ роды животныхъ чѣмъ были по отношенію къ своей силѣ надъ вѣшними обстоятельствами, или по отношенію къ удобствамъ жизни, чѣмъ были пѣсколько тысячу лѣтъ назадъ,

¹⁾ Elements de la philosophie de l'esprit humain t. III, p. 287.

или по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ о нихъ знаетъ вѣтвичинки исторіи, тѣмъ они остаются и теперь (исключая конечно животныхъ прирученныхъ или выдрессированныхъ чюдаками); тѣмъ же, должно полагать, останутся и впредь навсегда. Ещо же есть основа, хотя бы только воображать, что со временемъ шире, лишь стаинъ жить въ цирковыхъ комодахъ чурбахъ, построеннымъ подвластными иму животнымъ міромъ,—что обезьяны когда нибудь станутъ ходить въ каретахъ собственного издѣлія, что гобини будутъ есть кушанья, приготовленныя имъ своего же рода поваромъ и изъ посуды собственныхъ фабрикъ, что числа станутъ строить свои ячейки не изъ воску, а для большей прочности изъ дерева, или жести и проч... Нѣтъ, ишѣрное можно сказать, что все такъ будетъ, какъ было и есть. Потому, что касается силъ животнаго міра, то о нихъ должно сказать, что онъ действительпо силы, данная ему природой; потому что онъ именно развѣшены между нимъ по мѣрѣ и числу разъ навсегда, такъ что какъ никогда не были менѣе, такъ никогда не будуть и больше, что онъ слѣдѣтельно ни въ какомъ смыслѣ не могутъ быть мыслимы, какъ силы свободныя.

Но для человѣка знаеніе есть вмѣстѣ и сила, такъ что съ возрастающею прогрессіею его знаній идетъ всегда въ параллель такая же возрастающая прогрессія его силы надъ предыдущими условіями,—надъ природою. Природу называютъ обыкновенно матеріею человѣка; но, кажется, будетъ правильнѣо назвать ее матеріею, или лучше средою развитія силы человѣческаго духа, средою, сила которой надъ человѣкомъ всегда стоитъ въ обратномъ отношеніи къ силѣ человѣческаго духа, тѣль что тѣмъ выше его сила, тѣмъ менѣе онъ зависитъ отъ природы, менѣе сдивленъ ею, тѣмъ менѣе онъ счастливъ себя оправдывать ей, тѣмъ менѣе преклоняется и благоговѣетъ ей.

головъ предъ нею, чѣто по бывашь, или не должно быть въ отношеніяхъ сына къ матери. Еслибы мы могли измѣрить ширина европейскаго человѣка, и, перенесясь сквозь мглу вѣковъ, посмогрѣть на человѣка древнѣйшаго—въ его колыбели—Азіи, еслибы мы нашли отношеніе между силою того и другаго, не было ли бы это отношеніе еще болѣе разительно, чѣмъ какое мы видимъ между силою лежащаго въ колыбели политаго дитяти, и силою взрослого здороваго человѣка? На всемъ, на всемъ человѣческомъ країна тогда природа свою царственную печать. Человѣкъ иъ Богъ хотѣль мыслить существо, падъ неимѣть тваринъ превосходящее, абсолютносущее, всесовершеннѣйшее; но не могъ; древнаго восточного человѣка такъ поражала грозно-величественная природа своими силами и явлѣніями—то странно-грозными и разрушительными, то воразительно-величественными и благодѣтельными, что благоговѣніе, которое онъ чувствовалъ къ Богу-Творцу, невольно переносилось на природу—тварь—на эти ея явленія и силы, и къ нимъ, такъ сказать, приставало; идея Бога невольно такимъ образомъ разлагалась на представлениія Его силы въ силахъ и стихіяхъ природы. Всему человѣку изумлялся, всего боялся, не знать что дѣлать, бѣжалъ предъ всѣмъ, бѣжалъ туда, куда указывали силы природы. Несется онъ съ вѣтромъ по необозримой степи, не думая никогда надолго остановиться, чтобы пустить плугъ въ землю и построить жилища; предъ нимъ непротяжные царственные лѣса, онъ боится заглянуть въ нихъ,—тутъ страшные видомъ и силою сѣви; предъ нимъ упирающійся въ облака горный хребетъ, долго, съ изумлениемъ глядѣть онъ на его блѣдныя вершины,—какъ страшный исполинъ, загородилъ онъ путнику дорогу,—назадъ...; онъ смотритъ на море,— даль безбрежная, невѣдомая, бесконечная,—поднялася буря,—оно забушевало страшно, закинѣло,—въ искушь обжигъ онъ обратно; предъ нимъ клокочутъ волны рѣки

днегрой, широкой, на другомъ ея берегѣ роскошная равнина; тутъ бы появить невозможно;—такъ повсюду онъ былъ занятъ. Но теперь, теперь, что не видить, что человѣкъ владыка природы, дошли до ужаса! Странахъ, всеопустошающихъ львъ почти на Финляндіи, несмотря на то, что по природѣ нефть, никакіе земли рижанійскаго несравненно слабѣе и въ приданомъ рыхлыхъ болотахъ, мы все таки доживаемъ сѣѧ почтеннѣйшии и чисто человѣческаго рода все растеть и растетъ; многочи, бывшія нѣкогда пустыни, степи и непроходимыя болота нынѣ достаточнѣо кормятъ человѣка; нѣть нынѣ лѣсѣй, которые бы были серьезно страшны хоть одной цивилизованной нації; нѣть нынѣ лѣсовъ, которыхъ бы человѣкъ не могъ расчистить, нѣть ни одной рѣки, чрезъ которую онъ не могъ бы перекинуть моста, нѣть моря и океана, котораго не могъ бы переплыть онъ; онъ нынѣ удобно селится на уступахъ горъ и скалъ; онъ проходить горные хребты даже сквозь римы ихъ каменное сердце. Но мы бы хотѣли, чтобы съ пами Немогрѣи на силу современаго человѣка и тѣ, которые и въ чистотѣ не хотѣть ничего болѣе видѣть, кроме извѣстнаго чистотнаго положенія матеріи и силы. И если вы—почтенный профессоръ философъ, все чистомъ разрѣшающій, оставите свою испытавшую лагушку,—посмотрите и увидите, какъ сила чистотнаго разума въ одномъ мѣстѣ поднимаетъ на ноги бывшаго бѣльяго; въ другомъ—на разстояніи пѣсколькихъ верстъ совсѣмъ то испонятно разрушаетъ воздвигнутыя силою того же риѳма замешанныя твердыни, заставляя дрожать землю отъ ревицъ гранитныхъ, оглушительныхъ раскатовъ; какъ этого разумъ не видѣлъ никакого-то страшилица быстрѣе птицы съ неподвижными трохтомъ мчится по сушѣ; или, какъ онъ, своими тонкими крыльями избивая широкія волны безбрежнаго моря, срывъ яичекъ и тянется за собой рядъ тяжело нагруженныхъ сущинъ, симъ подъ топыши на маленькую стрѣлку, чтобы иск.

ищеть, куда нужно; какъ его мысли почти также быстро, какъ мысль, иссутся съ конца въ конецъ міра бездушнымъ желѣзомъ то поверхъ суши, то подъ волнами неизмѣримаго океана; какъ онъ, въ какомъ-то воздушномъ шарѣ выше орла парить надъ облаками, бросая на землю гордые взоры, а на небо взоры смиренной вѣры и надежды; какъ онъ, не довольный, что можетъ мчаться подъ широкой рѣкою, хочетъ также легко и быстро мчаться подъ высочайшюю въ мірѣ съ каменными внутренностями горюю: когда вы все это видите, ужели вы не поклонитесь этой силѣ человѣка, и притомъ какъ силѣ свободной и разумной, и не таѣь законі-то мечтательной, численной пропорціи единой силы и матеріи? Вы скажете, что все это и есть продуктъ точнаго счета и вѣса, и вполнѣ подлежитъ числу и мѣрѣ. Такъ; но сосчитаете ли вы всѣ колебанія, инстанціи, посыпки человѣческой умодѣятельности, однимъ словомъ,—всю ту численную прогрессію силы ума человѣческаго, послѣднимъ членомъ которой явилось иныг҃шнее число силы человѣка? Положимъ, и это вамъ удастся; но высчитаете ли вы точно также, иавъ астрономѣ высчитываетъ время будущаго солнечнаго затмѣнія, какъ будетъ идти далѣе эта прогрессія? Скажете ли, что больше человѣкъ ничего не откроетъ, ничѣмъ уже больше по увеличить своей силы, или если увеличить, то чѣмъ и какъ, и увеличивши, на томъ ли и остановится,—скажете ли вы обѣ этомъ хотя съ приблизительною къ той увѣренности, съ какою вы можете сказать о будущемъ силы планетнаго притяженія, или даже силы напр. какого нибудь животнаго?—Нѣть;—но судя по тому, что было, вы можете не колеблясь гадать, что будетъ и также не колеблясь сказать, что границъ силы человѣческой, развитію ся точно указать нельзя, что она и впредь не какъ физическая сила будетъ дѣйствовать равномѣрно, неизмѣнно-одинаково, а будетъ идти все впередъ, и впередъ, не возвращаясь и не останавливаясь,

все усиливаясь, все расширяясь. Ибо по мѣрѣ увеличенія этой силы въ непосредственное съѣдующаго заѣтъ расширѣніе удовлетворять жизни, вынуждаются все новые и новые и всегда иѣ возрастноющими различными вопросы, — и такъ все будетъ, — доколѣ никто искъ зордей не скажетъ. Дотолѣ, скажемъ, доколѣ природѣ не станутъ совершенно поступившо вѣймъ цѣлями, нуждами и фантазіями человѣка, когда вся она, удобно и логично, никакъ иначе географъ, будеть носить его мысли, исполнить его желанія, когда она вся, какъ нынѣ человѣческое тѣло, одѣнется гармоническимъ органомъ человѣческаго духа; но когда это будетъ, сколько еще остается? — никто изъ насть очертъ не можетъ. Скажемъ только, что разстояніе это безконечно, какъ безконечны цѣли и стремленія духа, какъ безконечно разстояніе отъ силы человѣческой до абсолютной силы божественной. Нѣтъ и здѣсь счета, потому что это, должно быть, не сила природная.

По этому факту мы должны указать причину. Отчего это въ самомъ дѣлѣ ничто въ природѣ и даже въ животномъ мірѣ не можетъ увеличить своей силы, своей власти, чтобы по мѣрѣ развитія этой силы улучшать жизнь свою, —ничто и нико не можетъ кромѣ одного только человѣка? — Объяснять (какъ некоторые и объясняли) этотъ фактъ тѣмъ, что животный міръ совершенно принижень, загнанъ человѣкомъ, который силою оружія овладѣлъ большею его частію, —значить еще рѣзче ставить тотъ же вопросъ. Указывать на то, что животные имѣютъ меныше нуждъ, чѣмъ человѣкъ, и потому меныше развиваются, значить опять только яснѣе еще ставить вопросъ. Объяснять физиологическими условіями, значить тоже почти что ничего не сказать; потому что тѣлесная организація иѣ-которыхъ изъ животныхъ отличается отъ человѣческой самыми незначительными отѣйками, но говори о томъ, что нѣкоторыя вѣнчанія чувства иѣ отѣйности у животныхъ развиты

гораздо болѣе, чѣмъ у человѣка. Аристотель дѣйствительно руки называлъ орудіемъ орудій, характеризующимъ разумное существо, но онъ же вмѣстѣ училъ, что не потому человѣкъ разумное существо, что имѣеть руки, а потому имѣеть руки, что есть разумное существо. Между тѣмъ некоторые (Гельвецій напр.) серьезно вообразили, что животныя потому только не люди, что ихъ оконечности превращены въ твердые когти или копыта, а не въ прекрасно разчлененную руку, и напротивъ,—что еслибы человѣкъ не имѣль рукъ, а вмѣсто ихъ копыта или когти, то родъ человѣческій писомънино блуждалъ бы и доселе еще въ лѣсахъ въ дикомъ видѣ. Цельзя не привести исколько любопытныхъ примѣровъ, представленныхъ Дюгальдомъ Стюартомъ въ опроверженіе этого мнѣнія и ясно показывающихъ, что сущность дѣла вовсе не въ рукахъ. «Какъ однѣ изъ любопытныхъ примѣровъ того, говорить онъ, что люди, рожденные безъ рукъ, могутъ быть исколько не ниже по своему развитію прочихъ, представлять иѣто германецъ Букингеръ; онъ родился безъ ногъ и безъ рукъ; на мѣстѣ рукъ были только очень короткіе отростки въ видѣ раздвоенныхъ стержней; однимъ изъ такихъ отростковъ онъ могъ не только играть на различныхъ инструментахъ, но даже писать и рисовать съ полной точностью и чистотою выполненія. Въ залѣ юнібургскаго совѣта можно и нынѣ видѣть прекрасный образчикъ его таланта въ рисованіи, достовѣрность котораго завѣрена многими авторитетными лицами, бывшими свидѣтелями его выполненія. Другой такой же примѣръ представляетъ собою иѣто уроженецъ Панча, у котораго ноги совершенно почти замѣнили недостававшія руки: онъ также (правой ногой) хорошо игралъ, писалъ и рисовалъ. Одна дѣвушка, которую я самъ имѣль случай не разъ видѣть и наблюдать, родившаяся безъ всякихъ даже слѣдовъ рукъ, въ шитьѣ, которымъ она славилась, употребляла въ дѣло вмѣсто рукъ

свои ротъ, языкъ и зубы; она писала и рисовала, держа карандашъ или перо, стиснувъ его щекою и правымъ плечемъ. Ея множественныя способности были при этомъ весьма развиты¹⁾. Кромѣ того ощутъ предстаиваетъ множество примѣровъ людей, которыхъ при отсутствіи одного изъ важайшихъ вышнихъ чувствъ органы могутъ быть почти тѣмъ же, чѣмъ и зрячие, могутъ пѣстъ, писать, заниматься ремеслами и искусствами. Итакъ, сущность не въ рукахъ, и вообще не въ тѣлѣ человѣка. Правда, что организмъ человѣческаго тѣла совершенѣе всякаго животнаго организма; но должно полагать, что если бы животному дать и человѣческое тѣло, все-таки оно осталось бы животнымъ, никогда не болѣе; или лучше: человѣкъ не потому разумное существо, что имѣеть такъ прекрасно устроенное тѣло, но потому скрѣе онъ имѣеть такъ прекрасное тѣло, что онъ есть разумное существо; нельзя не раздѣлять въ этомъ случаѣ того мнѣнія пѣкоторыхъ психологовъ, что душа человѣка есть единъ изъ самыхъ главныхъ дѣятелей, участвующихъ въ обновленіи самого его тѣла, и что слѣдовательно не душа опредѣляется въ своемъ существѣ тѣломъ, а гораздо скрѣе— тѣло душою. Итакъ, если о силахъ животныхъ мы сказали, что силы эти не могутъ въ себѣ собираться и увеличиваться, потому что онѣ суть текучія силы природы, все сразу вымышили. Жаждохуемахъ бы, чѣмъ самопроизводство ни уменьшія ни увеличенія; то человѣкъ, среди общаго риномѣрнаго теченія силъ могущій скоплять въ себѣ силу изъ большей и большей власти своей надъ этими всегда равно текущими силами, представляеть въ себѣ въ этомъ случаѣ не одну только количественную разницу человѣческой силы отъ другихъ силъ, но и качественную, существенную, состоящую въ томъ, что сила человѣческая имѣеть главнымъ источникомъ

¹⁾ Ідеюю въ ю філософіе до Генріхъ Гаманъ т. III, р. 285.

своимъ по природу, все сразу вымѣрившую, а пѣчто высшее самой природы. *И благослови Богъ мужа и жену, глаголя: наполните землю и господствуйте ею и обладайте, чего Богъ не сказалъ, какого права не дадъ никакой другой твари;* въ этомъ Самимъ-Богомъ данномъ человѣку правъ обладанія и заключается тайна силы человѣка надъ природою и возрастанія этой силы, во—въ правѣ, понимаемомъ не съ формальной только стороны. Когда въ отдаленную отъ столицы провинцію приѣзжаетъ для управления ею царскій намѣстникъ, онъ получаетъ полное ковенантное правление конечно по силѣ съ уверенности въ томъ, что онъ действительно есть посланный самимъ царемъ представитель его власти и лица; но не въ этомъ главное дѣло, а въ томъ, что царь предварительно приготовилъ себѣ намѣстника, воодушевивъ его своими идеями, познакомивъ съ своими планами и цѣлями,—словомъ, создавъ въ немъ какъ-бы образъ себя самого, и тогда только послать его быть представителемъ своего лица и власти, когда подготовка его совершенно окончилась и когда посылаемый представлять въ себѣ уже всѣ задатки будущаго царскаго намѣстника,—образа царя въ далекой отъ столицы провинціи. Точно также, Богъ даетъ человѣку формальное право власти надъ всемъ тварію, по предварительному приготовленіи его къ тому, или созданіи его способнымъ къ обладанію Но что, на какую силу указываетъ намъ сила и власть человѣка надъ природою? На какую, какъ не на ту премірную абсолютную Силу, которая создала прекрасный міръ, владѣетъ и повелѣваетъ имъ, но сама пребываетъ во вѣки тою же абсолютной несчетною силою, не имѣющею ничего общаго съ созданными ею силами міра, которая текутъ, никогда къ себѣ не возвращаясь и не сосредоточиваясь? Чей, хотя слабый образъ представляется собою человѣкъ—господствующій надъ тварями земными, повелѣвающій стихіями и силами природы къ своему

Богу и своимъ цѣлямъ, чей образъ, какъ не образъ того
 вымѣнившаго Существо, которое кинь все создало, такъ и все
 держитъ, воинъ подибній и бурями и волнами моря и
 небесъ, воинъ, но не для иного кого, а для своей только
 воли, свою раба Пулачи цѣлью? Но потому человѣкъ на-
 шелъ въ душѣ искреннѣй подобіемъ Ему, что отъ подобенія
 прѣдающаго внутріи вѣдѣ по самому существу своему; потому
 Богъ Господь и дасть чѣловѣку власть надъ тварю и воз-
 можилъ быть и этой власти подобнымъ Ему, что прежде
 дать чѣловѣку силу изъ этой власти,—состори *его по образу*
и подобію, т. е. сопорить свободою, разумною духовною силою,
 которая не можетъ безвозвратно уходить отъ себя вмѣстѣ
 съ силами природы, но должна все болѣе и болѣе сосредото-
 чиниться изъ себѣ, и изъ отому центру себя самой—къ своимъ
 цѣлямъ направляясь и собирать силы природы. Человѣкъ потому
 и можетъ все болѣе и болѣе овладѣвать силами природы,—
 что самъ по безличная, необходимая физическая сила, вышед-
 шая изъ лона тойже природы, а сила личная, разумно-свобод-
 ная, именуемая началомъ Богъ—абсолютномъ Духъ и лицъ.
 Природа напротивъ же отношеній силы такъ мало даетъ чѣло-
 вѣку, чтобы едвали кому другому. Первый крикъ дитяти, можетъ
 сказать, есть его жалоба на свое безсиліе,—бессиліе, въ такомъ
 инфантильномъ видѣ почти не встрѣчающееся въ животномъ
 мірѣ, гдѣ всякое новорожденное сразу почти является готов-
 ымъ для жизни. Человѣческое дитя,—это поразительный
 образъ существа безпомощнѣйшаго, во всемъ нуждающагося—
 въ пищи, въ тепломъ жилищѣ, въ одѣждѣ, въ долгомъ попе-
 ченіи, въ воспитаніи. Природа, обойдя человѣка и въ силѣ
 и въ богатомъ инстинктѣ, тѣмъ самимъ ясно показала, что
 не ви дѣло самой слишкомъ много хлопотать о немъ, потому
 что отъ есть не ея прямо тварь, а существо другаго порядка
 и міра, что эта—разумная сила, которая сама не даетъ себя

успінуть із общи́ потоکи необхідності и задавити до уравненія со всімъ натурализмъ, спма собой пайдется, и, пробившись сквозь волны этого безостановочнаго равномѣрного потока, явится тѣмъ, чѣмъ она есть по своему началу и существу—силою свободою,—подобіемъ силы Духа абсолютнаго. И въ образѣ этой полнѣйшей безпомощности, стѣсненности, условности, въ кото-ромъ вы видите человѣческое дитя, вамъ живѣйшимъ образомъ долженъ представляться образъ безусловной почти возможности къ дальнѣйшему развитію. Эти глаза, которые такъ петвердо смотрятъ, ни на чѣмъ не могутъ пристально и долго остановиться, далеко не похожи на быстрые глаза орлена; но самая эта неопредѣленность, съ которой они движутся, указываетъ на полноту импульса. Эти слабенькия ручонки, неопредѣлению двигаюціяся, ничего ни взять ни удержать не могущія, не вооруженныя когтями львенка,—представляютъ живое требование чужої заботливости; но самая эта неопредѣленность движеній пластически представляетъ возможность безконечно богатыхъ и разнообразныхъ движений человѣческой руки. И весь образъ дитяти есть образъ безконечной возможности. И гляди на него,—скажете ли вы, какова иѣкогда будеть его сила,—сила, разумѣемъ надъ виѣшими условіями жизни,—скажете ли вы о немъ также категорически точно, какъ о силѣ орлена или львенка? Неѣтъ; почему? Потому что о послѣднихъ вы знаете, что она изъ числа тѣхъ, которыми разъ навсегда природа дала каждому свое, и никто изъ нихъ больше ничего пріобрѣсти не можетъ, а о первомъ вы также должны знать, что въ немъ живеть разумно-свободная сила духа, которая, кто знаетъ—въ какой степени и въ какомъ направленіи проявить себя, такъ какъ она въ своемъ развитіи обусловливается не столько природою, какъ средою, но и еще болѣе ея внутреннюю свободною сущностью.

Такъ, человѣкъ въ своей силѣ надъ природою указываетъ на абсолютную Силу божественную, потому что по гимому своему существу онъ есть образъ Божій, не какъ сила природная-необходимая, а какъ личная, свободно-разумная.

(Окончаніе будетъ).

Св. Пр. Малеванскій.

